

18+

Рина Гурова

Сны ветра

Рина Гурова

Сны ветра

«Издательские решения»

Гурова Р.

Сны ветра / Р. Гурова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-602500-4

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Венера одержима желанием встретить человека из
своего сна. Её беззаботное существование заканчивается, как только девушка
узнает, что некто хочет ее убить. Александр пытается спасти подругу. Но
реальную помощь и чувство безопасности она получает только от мошенника
Егора. Кажется, Егор и Венера созданы друг для друга, но ей все еще снится
милый, высокий парень, лицо которого забывается к пробуждению. А
Фердинанду, казалось, уже ничего не надо, кроме вечного покоя...

ISBN 978-5-00-602500-4

© Гурова Р.
© Издательские решения

Содержание

I		6
	Глава 1	6
	Глава 2	15
	Глава 3	20
	Глава 4	25
	Глава 5	28
	Глава 6	34
	Глава 7	41
	Глава 8	45
	Глава 9	50
	Глава 10	58
	Глава 11	64
	Глава 12	69
	Конец ознакомительного фрагмента.	71

СНЫ ВЕТРА

Рина Гурова

© Рина Гурова, 2025

ISBN 978-5-0060-2500-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Глава 1

Тихая апрельская ночь окутала беспокойный европейский город на Эльбе. С деревьев на мокрую землю падают крупные капли, как напоминание о только что прошедшем дожде. Прохладная свежесть воздуха пронизывает до дрожи редких поздних прохожих. Залитые золотым светом фонарей и витрин улицы почти пусты. Кажется, вся Вселенная в эту ночь дышит в одном ритме, и Земля радуется тому, что может дышать с ней в унисон. Погруженные в дрему здания, убаюканные дыханием планеты, наверняка, видят яркие сны. Во власти сна находится и большинство людей.

На втором этаже пятиэтажного дома в полупустой немного запущенной квартире крепко спит Венера Лерснер. Луч фонаря нервно дрожит на ее подушке, словно пытается дотянуться до растрепанных прядей ее волос цвета спелого овса. Уже прошло чуть более пяти лет, как она перебралась из России в Германию, и около двух она проживает в этой квартире, но об обстановке до сих пор так и не позаботилась, оставив интерьер минималистичным до аскетизма. Вообще это достаточно странная женщина. У многих ее знакомых даже сложилось устойчивое мнение, что она слегка «не в себе». Тем не менее, все отмечают ее привлекательность и молодость. Возраст Венеры, словно замер на отметке девятнадцать и вот уже девять лет не позволяет времени влиять на ее внешность. Сама она объясняет это наследственностью и правильным уходом за собой. В одном только мнения ее знакомых сходятся – эта стройная блондинка с большими темно-зелеными глазами мало кого оставляет равнодушным.

Наблюдаются за Венерой и другие странности, кроме редкого имени, которое она ненавидит, предпочитая сокращать его до имени «Вера», и незаурядной внешности. Например, многих поражает ее способность управлять поведением людей. А ее талант читать чужие мысли, в сочетании с глупой привычкой тут же их озвучивать или вступать в спор на основании того, что чья-то мысль ей не понравилась, порой доводит до бешенства и самых уравновешенных личностей. Удивляет эта девушка свое окружение отсутствием какой-либо цели, как будто она всю жизнь планирует только развлекаться. Однако совершенно беззаботной и беспечной Венеру назвать нельзя. Да, возможно, она не заботится о будущем, но свое настоящее она неплохо обеспечивает. Живя в Гамбурге, Лерснер занимается переводами, а в России ей принадлежит половина весьма успешного салона красоты. Последний приносит устойчивый доход, но требует контроля и внимания.

Едва вернувшись в Германию после очередной такой инспекции, Венера вместе с друзьями, большинство из которых тоже являются русскими переселенцами, отправилась изучать руины замка на границе с Чехией. Исследование заброшенных зданий, полигонов и прочих объектов, а также спелеология являются для нее той страстью, на которую она никогда не жалеет ни времени ни сил. Экспедиция закончилась для нее травмой, но это ее совершенно не расстроило. Скорее, Венеру удивило, что она, при падении с большой высоты, отделалась так легко. Однако чудеса происходили в ее жизни с поразительной частотой, и Лерснер уже воспринимает их как должное.

А еще она с самого детства видит очень необычные сны. Существует мнение, что душа спящего, покинув тело, посещает другие миры и возвращается к пробуждению. Где блуждает душа Венеры по ночам, не каждому богу известно, а с кем встречается – без пособия по оккультизму и не скажешь.

Сейчас ей снится как раз такой сон. Он яркий и очень реалистичный. Во сне Венера идет по пустым улицам. Город вроде бы тот же, что и в реальности, но во сне все какое-то

другое. Нет ни машин, ни людей, никакой рекламы или каких-либо других вывесок, кроме одинокого столба на перекрестке с указанием улиц. Надписи на его довольно ветхих табличках выглядят более чем странно: направо – «ул. Набережная», прямо – «Friedrichstraße». Это знак, увидев который Лерснер понимает, что находится во сне, и раз кто-то решил вызвать у нее контролируемое сновидение, этот кто-то вот-вот явится ей лично.

Внезапно ее догоняет высокий мужчина в черном длинном плаще. Он движется бесшумно, как, наверное, и должно быть во сне, но Венера всякий раз обращает на это внимание, сравнивая его с тенью.

– Хорошо бывает посетить старый дом, старый город без всего того, что мешает наслаждаться прекрасной архитектурой, – с хитрой улыбкой произносит он.

– Здравствуй, Владыка. Мне приятно находиться здесь. Спасибо за такой сон, – без эмоций отвечает она.

– Не благодари! Мне самому приятно бывать в красивых местах и дарить радость тебе, моя ненаглядная Вера.

Венера нежно улыбается и, мельком взглянув на него, говорит:

– А ты умеешь флиртовать, будь ты человеком – любую женщину бы уболтал на что угодно!

– Оно того не стоит. К тому же, моё сердце всецело принадлежит тебе!

– У тебя же нет сердца! – смеется Лерснер.

– Это верно.

– И я готова поспорить, что ты всем женщинам-адептам такое говоришь.

– Не спорь, никогда не спорь, тем более со мной – проиграешь. У меня ко всем индивидуальный подход. Кстати, мне не нравится слово «адепт». Вы не адепты, в некотором смысле, вы наши дети.

– Я до сих пор точно не помню, кто я. Может, расскажешь, наконец, раз ты практически признал свое отцовство?

– Ты Венера Лерснер, а остальное ты сама вспомнишь, когда надо будет. Не задавай мне лишних вопросов, это утомляет, и я могу расстроиться. Вот так! – он указывает Венере на одно из зданий, и оно тут же рассыпается в прах. Девушка испуганно вздрагивает. – А вообще мы уже почти пришли.

– Куда?

– Снова вопросы, – улыбается он. – Ладно, этот вполне резонен. Тебя хотят увидеть. Не волнуйся и ничего не бойся – вот это я, действительно, всем говорю! Но ты ведь смелая, ты не боишься, верно? – мужчина отворяет перед Венерой ветхую входную дверь одного из зданий.

– Боюсь или нет, что это изменит?

– Ничего. Иди!

Она сама не осознает, как оказывается в освещенной желтоватым светом комнатке. Но не успевает Венера осмотреться, как дверь, расположенная напротив неё, открывается и сквозь проем в комнату врывается очень яркий, правда, не режущий глаза свет. Когда он рассеивается, перед девушкой появляются трое мужчин. Первый – средних лет, коренастый, его лицо сильно загорело. Такой загар бывает от постоянной близости открытого огня или сильных ветров, но не от солнца. Второй – молодой, высокий, длинноволосый брюнет в строгом черном костюме и плаще, – тот, с кем она только что говорила на улице. Третий – почти абсолютная копия «Владыки», только волосы у него русые, одежда зеленовато-коричневых и болотных, тонов, а взгляд более дружелюбный.

Первый, указав на Венеру, задает вопрос своим спутникам:

– Неужели, это она и есть? Даже жалко будет, если ваши усилия окажутся тщетны.

– Да, это она и есть. О тщетности я бы поспорил, моя работа всегда безупречна, – отвечает брюнэт.

– А ты что думаешь? – спрашивает старший у своего русоволосого спутника.

– Мне Вера была поручена в прошлый раз, и я могу сказать, что отказываться от нее будет большой ошибкой, – отвечает тот.

– Даже не упоминай о прошлом разе! Это была наша общая неудача.

– Вот так, Вера, – наигранно вздыхает русоволосый, – успех одного расценивают, как общую неудачу. Давайте уже к делу!

– Я спрошу! – произносит тот, кого Венера называла «Владыкой» и «Черным ангелом». Он смотрит ей в глаза обжигающе черным взглядом, которым, кажется, может испепелить все живое на планете, если захочет. – Вера, ты ценишь нашу заботу и поддержку?

– Д-да, – отвечает она, чувствуя, как его взгляд прожигает ее изнутри.

– Если мы предложим тебе сейчас умереть ради наших целей – ты согласишься?

– В-вы спасли меня позавчера в з-замке, чтобы убить сейчас?! – испуганно бормочет Лерснер.

– Мы не имеем отношения к происшествию в замке. Я жду от тебя ответа: да или нет!

Время как будто замедляется. Венера не знает, что ответить. Ее парализует страх перед его смертельно-тяжелым взглядом. Молчание могло продолжаться долго, но она, собрав всю свою волю, выходит из оцепенения и обращает внимание на хитрую ухмылку своего собеседника – «Владыка», определенно хочет, чтобы она догадалась, что нужно сказать.

– Нет, – отвечает девушка. – Вам придется убивать меня против моей воли.

Последняя фраза вызывает хохот. Старший из мужчин, смеясь говорит:

– Ладно, пусть остается, – он удаляется, и за ним следует русоволосый.

– Молодец! Никогда не соглашайся быть жертвой, – произносит «Владыка», когда они снова остаются наедине. – Я подарил тебе путешествие в приятную для тебя реальность, этот шанс сохранить жизнь, а сейчас хочу сделать еще один подарок. Кажется, ты недавно повредила руку?

– Да, неудачно упала, – отвечает та и приподнимает рукав свитера, показывая заклеенное хирургическим пластырем предплечье. – Кто мог знать, что ступеньки на лестнице совсем прогнили?

– Конечно, если принять во внимание, что замок без малого век пребывает в состоянии руин! – усмехается он. – Упасть, отделавшись только глубокой царапиной, с такой высоты – это случай невероятного везения. Дай-ка я гляну.

Венера осторожно отклеивает пластырь, обнажая хирургический шов.

– Вера, ты меня огорчаешь! Видно, мы зря о тебе беспокоимся, ты ведь совсем себя не бережешь! Но я сегодня на твоей стороне, поэтому если ты мне пообещаешь, что с завтрашнего дня забудешь про заброшенные здания, пещеры, бункеры – твоя рана исчезнет.

– Но это же моя жизнь!

– Твоя жизнь, милая, может прекратиться в любой момент! В течение полутора лет тебе нельзя рисковать. Максимум, что ты можешь себе позволить – это пользоваться транспортом. Ты в большой опасности, и мы уже вряд ли сможем тебя спасти, не говоря уже о том, что и позавчера тебя спасли не мы. Слишком многое сейчас поставлено на тебя, чтобы ты нас подводила.

– Хорошо, я обещаю отказаться от своего хобби с этого момента, – говорит Лерснер, и ее рана внезапно исчезает. Не затягивается, не заживает, а просто исчезает, причем вместе с нитками, которыми ее зашили в больнице. Девушка даже вскрикивает от неожиданности.

– Повторяю: с этого момента забудь про заброшенные здания, пещеры и все, что с этим связано. Ты в опасности, и эта опасность может исходить откуда угодно. В течение года постарайся избегать любого риска, – назидательно произносит брюнэт, взяв ее за руку. – Я лично

буду следить, чтобы у тебя все было хорошо. Но если ты продолжишь наплеватьски относиться к своей жизни, я решу, что ты ищешь напрасной смерти, и помогу ее найти. Понятно, Вера?

Лерснер кивает в ответ и задает вопрос, который теперь уже не может сдержать:

– А кто меня спас? Если я правильно тебя поняла, то это не было случайным везением. Кто-то вмешался в ситуацию и исправил ее, так ведь?

– Просто призрак. Наверное, он принял тебя за другую. Впрочем, вряд ли он страдал серьезными дефектами зрения. Может быть он всего-навсего представил, что если ты разобьешься, то тоже станешь призраком, и ему придется вечность терпеть твое общество.

– Я пугаю даже призраков?

– Просто забудь! Такое иногда случается, но обращать на это внимание не стоит. Как тебе исцеление? – интересуется Владыка, но Венера, не находя слов, только улыбается. – Вера, я не приказываю, я прошу, не подведи нас, переживи ближайшие полтора года. Это будет сложнее, чем кажется сейчас, в чем ты убедишься уже сегодня. Но что бы ни случилось, не поддавайся слабости. А сейчас тебе лучше проснуться, чтобы ты ничего не забыла из сказанного мною.

Проснувшись, или даже очнувшись, в кровати, в своей комнате Лерснер сразу же включает свет и смотрит на часы: они показывают без двадцати три. Затем, девушка понимает, что не чувствует ни боли, ни дискомфорта в поврежденной руке. Забыв об осторожности, она резким рывком срывает пластырь. Девушка едва не вскрикивает, обнаружив, что от ее раны не осталось и следа.

Венера выключает свет, но чувствует, что не в состоянии больше уснуть. Лежать, глядя в потолок, тоже нет смысла, тем более, находясь под впечатлением от сновидения и исцеления, она желает немедленно рассказать кому-нибудь об этом. Вот только кто сможет ее выслушать и понять правильно в три часа ночи? Поразмыслив, она все-таки находит выход – лучше всего написать электронное письмо своему другу в Россию, а потом, возможно, посмотреть какой-нибудь фильм, чтобы расслабиться. Из всех своих друзей Венера выделяет особо одного, Сашу Паршина. Ему она может рассказать все, что угодно, полностью положиться на него, равно как и ему позволяет полагаться на себя в любом вопросе. Правда, странностей у него тоже хватает. Одной из них является абсолютное неприятие социальных сетей, поэтому их общение с Венерой, пока она находится в Германии, осуществляется только через электронную почту. Лерснер не столь категорична, но не то, «заразившись» его подозрительностью, не то, поддавшись какому-то импульсу, однажды она удалила из всемирной паутины все свои фотографии, к которым только имела доступ.

Накинув халат, Венера садится перед компьютером и занимается письмом. Это ее успокаивает настолько, что, нажав кнопку «Отправить», она уже решает вернуться в постель, чтобы снова уснуть. Однако этому желанию не суждено было исполниться. Лерснер прекрасно помнила, что, когда начала писать письмо, входящих сообщений не было, но теперь, после отправки, в графе «Проверьте почту» появилась цифра «2». Машинально нажав на эту ссылку, Венера по очереди читает два письма.

Первое:

«Привет, майне либе Фройляйн! Я напоминаю, что в ночь с 30.04 на 01.05 я устраиваю самый настоящий шабаш. Очень хочу тебя увидеть у нас на земле рязанской, поэтому предупреждаю заранее! Если не приедешь – ты мой враг. Жду! Святобор».

А второе:

«Венера Эвальдовна, через две недели у нас учет. А еще прошел слухок, что все салоны в апреле будут проверять на соблюдение санитарных норм. Мы не справимся без вас. Вы приедете? Е. Самсонова».

– Чёрт! – возмущается она шепотом. – Идиотки! – и принимается писать ответ:

«Приеду к 18-му. Подготовьте все бумаги. Мне, как всегда, не сложно в любой момент сорваться с места, лететь в другую страну за тысячи километров только для того, чтобы выполнить вашу, Елена Тарасовна, работу!»

Отправив сообщение, девушка ощущает какой-то необъяснимый панический страх, связанный с полученными письмами. Что-то в них ее настораживает. Что-то неестественное, поэтому пугающее. Станным кажется, в первую очередь, то, что оба отправителя настойчиво вызывают ее в Россию, и что они прислали сообщения в одно и то же время... время... Время для этих писем совершенно неподходящее! Венера допускает, что Вячеславу Михайловичу, который и называет себя Святобором, не спится, и он рассылает приглашения знакомым, чтобы хоть как-то развлечь себя, но что может заставить Елену Самсонову, директора салона красоты, отправить письмо такого характера среди ночи? Это на нее совершенно не похоже.

Девушка все-таки убеждает себя не обращать внимания на данный парадокс. Она проверяет наличие авиабилетов на шестнадцатое апреля, но не спешит покупать, надеясь с утра поискать перелет подешевле. Сон как рукой сняло. Лерснер включает маленький ночник и садится перед ним как перед очагом. Его слабое золотое сияние уносит ее мысли в далекую сказочную реальность, которой так не хватает в повседневности. Свет монитора гаснет, оставляя ее в волшебной атмосфере далеких от реальности грез. Странная музыка звучит в ее голове: печальная, но страстная и невероятно красивая. Под ее аккомпанемент она танцует в своих мечтах с высоким молодым человеком. Картинка меняется, и вот они уже идут по набережной к причалу, а музыка все не умолкает.

Постепенно рассвет прогоняет тьму. Вскоре Венера обнаруживает, что в комнате стало совсем светло. Она выключает ночник и, потянувшись, бредёт умываться.

Часа через два раздается звонок от ее подруги, которая предлагает встретиться в кафе. Лерснер с радостью соглашается, желая стереть прошедшую ночь со всеми ее странностями из памяти. Не проходит и часа, как она уже сидит за столиком, сонно наблюдая за посетителями, почти не слушая, что говорит ее подруга.

– Вер, ты по-человечески можешь объяснить, почему не хочешь ехать? Мы рассчитывали на тебя, тем более, у тебя опыта больше, – настойчиво щебечет та.

– Тань, – вздыхает Венера, придумывая оправдание, – я... плохо себя чувствую. Заболела.

Дело, собственно, заключается в следующем: Венерины друзья решили побывать в пещерах, а она же, вспоминая напутствие черного ангела, наотрез отказывается ехать.

– Это из-за руки? Кстати, выглядишь, правда, не очень, как будто всю ночь не спала. До завтра не поправишься, ведь ты же руководитель нашего клуба, и сама нас уговаривала туда поехать в прошлый раз? Мы так давно не занимались нормальной спелеологией! Скоро дойдет до того, что будем вместе с туристами по экскурсиям ходить вместо экспедиций. Прикинь это своей светловолосой башкой! Пещера! Подумай еще! Это пещера, – не унимается Татьяна.

– Не поеду, а вы поезжайте. Хватит вам под моей опекой находиться. Я со школы всем этим занимаюсь. Вам уже давно не пятнадцать, а вы всё боитесь от меня отойти. Никуда я не поеду!

– Так что с тобой?

Венера слегка задумывается, придумывая себе убедительный недуг:

– Спину потянула, когда упала, – сухо отвечает она, – сказали, тяжелого не поднимать и поменьше двигаться, пока не пройдет.

– Тогда в этот раз мы поедem без тебя, и ты будешь нам завидовать!

– Договорились.

Девушки замолкают. Татьяна расстроена из-за того, что подруга отказалась от поездки, а Венера чувствует себя скверно из-за того, что пришлось соврать и неизвестно чего ради лишить себя удовольствия от исследования пещеры.

– Слушай, ты же у нас уникам, – неожиданно произносит Таня, – ты на любом расстоянии можешь мысли людей читать.

– Да, если представляю того человека, чьи мысли надо прочесть, правда, это срабатывает далеко не всегда. А с чего вдруг ты спрашиваешь? – удивляется Лерснер.

– Отличный вопрос для телепата!

– Я же говорю, что это работает не всегда, и мне надо настроиться, чтобы хоть что-то получилось. Зачем напрягаться, когда можно спросить? – недовольно поясняет Венера.

– Ладно, не злись. Ты очень осторожно сейчас оглянись и посмотри на пару за столиком у стены: женщина с цветастым платком и мужик в черной куртке. Я их за вчерашний день трижды видела, пока мы с тобой гуляли, и сейчас они же... Как будто следят.

Венера наклоняется к сумочке, висящей на спинке стула, и мельком бросает взгляд на людей, про которых говорит Таня.

– Это не платок, а палантин, а мужчину я знаю, – произносит она, повернувшись. – Он помешанный сектант, и раздает книги возле китайского магазина.

– А, ну это, конечно, меняет дело! Только возле китайского магазина никто и ничего не раздает, я бы заметила, я живу напротив.

– Значит, плохо смотришь! Там кого только нет! Я постоянно хожу по этой улице. Перед той поездкой в замок мы с ним даже поцапались... Ну, словесно, я имею в виду.

– Скандалистка!

– А не надо мне всякий религиозный бред навязывать!

– Читай мысли! Мне все еще интересно.

– Я постараюсь... – говорит Венера, сосредотачиваясь. – Да они, правда, за мной следят! – немного испуганно шепчет она после долгой паузы. – Выйди и подожди на улице возле окна, я попробую их спровоцировать. Если увидишь, что они ко мне подошли – хватай кого-нибудь на улице покрепче, и бегите ко мне на помощь!

– Да ты с ума сошла окончательно! Как и чем ты их спровоцируешь?! – повышает голос Татьяна.

– Тихо! – перебивает она подругу. – Они тебя понимают. Послушай, просто уходи и жди что будет, – так надо! А как только они ко мне подойдут, просто останови на улице кого-нибудь и скажи, что ко мне пристают и мне нужна помощь. Я еще не понимаю до конца, что они задумали, но если их сейчас спугнуть – они отстанут от меня хотя бы временно.

– Ты сама-то себя слышишь? По-моему, тебе к психиатру пора, причем не к этому твоему, а к нормальному. Ладно, мне собираться пора, раз ты не едешь по причине весеннего обострения. Глупостей только не делай, хорошо? – говорит Таня и встает, прихватив свою куртку и сумку со стула. – Что бы ты ни задумала – я в эти игры не играю.

– Пожалуйста!

– Угу!

Таня на несколько секунд задерживается у окна кафе, глядя на подругу через толстое стекло, но потом, тяжело вздохнув, отправляется по своим делам. Лерснер часто болтает всякий вздор, так стоит ли удивляться, что ее бред сегодня приобрел параноидальный оттенок?

Внешне провокация Венеры никак не проявляется – она продолжает сидеть за столиком с несколько отрешенным видом. Однако подозрительная пара все-таки подходит к ней.

– Здравствуйте! – стараясь выглядеть дружелюбной, говорит женщина с цветным палантином. – Приятно встретить соотечественницу.

– Что вам от меня надо? – с плохо скрываемым раздражением спрашивает та.

– Видите ли, мы экстрасенсы, и случайно заметили, что ваша аура серьезно повреждена. По сути, ей завладели темные силы. Вы слышали когда-нибудь о центре «Седьмая Атлантида» или «Север Атлантис»?

– Деятельностью сект я не интересуюсь, – огрызается Венера.

В этот момент полная чернокожая женщина средних лет в светлом, не по погоде легком костюме, как будто споткнувшись, задевает столик Венеры, и вместо извинения на безупречном английском быстро произносит:

– Детка, не беспокойся. Я обо всем позаботилась!

– Мы не секта... – оправдывается мужчина после некоторого замешательства, вызванного внезапным вторжением в разговор чернокожей дамы.

– Неужели?! – наигранно удивляясь, бросает Лерснер и встает из-за столика.

– Центр «Седьмая Атлантида» – это объединение экстрасенсов. Недавно мы открыли представительство в Германии, – поясняет женщина. – Сейчас мы ищем людей с экстрасенсорными способностями...

– Я повторяю свой вопрос: что вам от меня надо? – начинает выходить из себя Венера, которой теперь стало ясно, что помощи от Татьяны ждать не стоит.

– У вас есть экстрасенсорные способности...

– Вы ошибаетесь...

– А я не спрашиваю, я утверждаю! – уже разозлившись, говорит женщина, ожидавшая совсем другой реакции от девушки. – Еще я вам скажу, что вы ступили на очень скользкий путь. Опомнитесь! Вы открыли душу Сатане! А теперь скажите, что я не права?!

– Отвалите от меня, психи бешенные! – грубо произносит Венера, направляясь к выходу.

– Вера, стойте! – кричит женщина ей в след, но Лерснер даже не оборачивается, услышав свое имя.

Преследователи бегут на улицу за девушкой и быстро догоняют ее.

– Стойте же! Мы не причиним вам зла! – тяжело дыша после пробежки, преграждая ей путь, говорит мужчина.

– Вы же сами только что говорили, что у меня экстрасенсорные способности, а теперь так нагло врете! Вы убить меня хотите. Как же давно вы за мной следите? Всего второй день? Я думала дольше! Вот только я не улавливаю, как вы узнали мое имя.

– Она читает мысли! – испуганно бормочет мужчина.

– Спокойно, Леонид! Вера, мы не хотим вас убивать, – говорит подошедшая женщина. – Послушайте, наш центр, кроме прочего, еще и ищет таких людей, как вы, чтобы помочь вам. У вас выдающиеся способности, вы человек нового времени, но вами завладели силы зла.

– Вот и не злите их! – шипит в ответ Лерснер.

– В нашем центре мы спасаем души таких людей, изгоняем чуждую дьявольскую сущность.

– А если «чуждой дьявольской сущности» нет, то вы изгоняете душу из тела, верно?

– Вы не представляете насколько опасно то, с чем вы связались... – пытается объяснить женщина, но Венера перебивает ее.

– Вы о вашей секте? Так мне плевать! Не ходите за мной больше, целее будете! – кричит она, с горечью осознавая, что дело бы не дошло до этого, не проигнорируй Татьяна ее просьбу о помощи.

Недалеко раздается звук полицейской сирены. Лерснер отталкивает мужчину и быстрым шагом направляется в сторону парковки. Но он снова догоняет ее и, схватив за плечо, приставляет к ее спине острие ножа.

– Мы же по-хорошему просили!.. – только и успевает произнести он, прежде чем происходит нечто неожиданное.

Впоследствии, вспоминая свои ощущения, Венера говорила, что почувствовала сильный жар в области сердца. Он стремительной волной прокатился по всему телу, сопровождаясь острой болью, затем, словно вырвался наружу, сквозь кожу, и в ту же секунду мужчина упал замертво.

Чувствуя сильнейшую слабость и беспомощность, Лерснер, словно в тумане, наблюдает, как из остановившейся рядом машины выходят двое полицейских. Один из них пытается с ней заговорить, но она не отвечает, впад в ступор. Постояв с минуту, она падает без чувств, и теряя сознание, слышит, как один из стражей порядка произносит: «Эй! Я ее знаю! Это родственница Дениса Штрауса».

– Ich keppe... – повторяет она, приходя в сознание в больнице.

– Что ты там знаешь, Вера? – звучит голос рядом с койкой.

Венера открывает глаза и задерживает взгляд на стоящим перед ней человеке в гражданском, словно пытаясь его узнать.

– Штраус... – наконец, бормочет она.

– Я Штраус, а не страус! Что случилось?!

Девушка приподнимается и рассказывает обо всем, что произошло с того момента, как Татьяна покинула кафе. А потом сама начинает задавать вопросы:

– А кто вызвал полицию?

– Диспетчер утверждает, что звонила женщина с сильным английским акцентом и, судя по тому, как она говорила: «белый мужчина пытается убить белую женщину», она или отъявленная расистка, или, что вероятнее, темнокожая.

– Странно. А что с тем мужиком?

– Обширный инфаркт. Моментальная смерть. Но его подруга уверена, что это ты убила его. Причем, ни чем иным, как силой мысли! Прикинь! Она даже звонила кому-то и просила приехать или прислать кого-то на помощь.

– Откуда знаешь?

– Она при мне разговаривала, думала, я не понимаю по-русски. Я попробую объяснить ей, что ты просто слегка ку-ку и не могла никого убить, тем более, силой мысли, как она считает.

– Значит я «слегка ку-ку»? Какое трогательное откровение от родственника!

– Не-не, то, что я женился на твоей двоюродной сестре не делает нас родственниками! Но если тебе нужен мой совет не как полицейского, а как человека, который хорошо относится к твоей семье, то лучше всего тебе сейчас уехать и затаиться.

– Куда?

– Подальше. Ты бывала у нас в Омске? Или на свою малую родину. А хочешь, хоть в Бразилию, лишь бы отсюда подальше! Здесь тебя или эти маньяки прибьют, если они хотя бы наполовину так опасны, как ты думаешь, или наши дачей показаний доконают и ты окончательно свихнешься. А так уедешь, переждешь бурю и вернешься, когда все будет тихо и спокойно.

– Отвези меня домой.

– Хорошо, а ты подумай о том, что я сказал. Тебя ничто здесь не держит.

Мужчина выполняет просьбу Венеры, и отвозит ее домой. Он останавливает машину перед аркой, ведущей во двор ее дома. Несмотря на то, что девушка выглядит очень ослабленной, Штраус не провожает ее до квартиры, на чем она и не настаивает. Шаткой, неуверенной походкой Лерснер добирается до своего жилища, и едва переступив порог, без сил падает на пол. Не вставая, девушка достает из сумочки телефон. Дрожащими руками она набирает номер, который знает наизусть, одновременно чувствуя, как начинают слезиться глаза, а дыхание становится судорожным. Динамик издает лишь легкое шипение, и, наконец, когда Венера уже отчаивается, звучит знакомая мелодия, которая очень быстро прерывается:

– Да, Вер? – говорит усталый мужской голос в трубке.

– Саша, я с ума схожу! Я, кажется, человека убила! – истерически тараторит она, поднимаясь с пола.

– Успокойся! Давай, по порядку!

– Ко мне какие-то сектанты прицепились, – уже спокойнее, но все ещё путано, продолжает Венера. – Один мне ножом угрожал, а со мной что-то странное произошло, как будто атомная бомба внутри взорвалась... А он упал! Может, это не я, а так совпало?

– Как ни странно, я почти понял, о чем ты говоришь. Секунду подожди!.. – Очевидно, Саша в этот момент занят и другим делом, помимо разговора с Венерой, потому повелительно и строго говорит кому-то: – Нет, нет, наоборот: амитриптилин – обязательно, а вот сибазон – убрать вообще. Что тут непонятного?! Я через две минуты к вам подойду! Не мешайте! – После чего, снова возвращается к разговору с подругой: – Уф! Я спрятался, теперь могу говорить. Вер, если можешь, приезжай сюда. Кстати, сейчас действительно появились сектанты-фанатики, которые, буквально, охотятся за нами. Я тебе скинул ссылку на них утром.

– Я еще не видела ее. А это не центр «Седьмая Атлантида», случайно? – горько усмехаясь, спрашивает девушка.

– Они самые. Подожди-ка... это они на тебя напали?! Срочно приезжай!

– Я только вернулась из России, можно без этого?!

– Все очень серьезно, Верка! Бросай все дела и приезжай! Если они тебя нашли, то просто так не отстанут, они ненормальные! Так, ладно, вечером встретимся в интернете, и еще поговорим, а сейчас мне работать надо.

– Но... – Венера пытается что-то сказать, но вдруг понимает, что ее друг уже отключился.

Не проходит и полминуты с момента окончания этого разговора, как на ее телефон поступает входящий звонок. Даже не глянув на номер, она отвечает.

– Вера, это Роман Левицкий. Что у тебя случилось? Ты в порядке? – произносит встревоженный мужской голос.

Венера сбивчиво, но кратко рассказывает о том, что произошло, добавляя:

– А ты откуда узнал, что у меня что-то не так?

– В газете, блин, прочитал! Не задавай глупых вопросов! Я тебе уже несколько часов пытаюсь дозвониться. Тебе нужно уехать...

– Саня только что сказал то же самое...

– Тем более! Я сейчас в Туле, если возникнут какие-нибудь проблемы – можешь переждать их у меня, если тебя не смутит мое скромное общество. В любом случае позвони, когда приедешь!

– Ром, я... Алло, Рома!..

Роман тоже прерывает соединение, не давая Венере высказать возражений.

С тяжелым вздохом девушка смотрит на часы. Время близится к двум, а за сегодняшний день надо еще столько успеть перед неожиданной дорогой. В необходимости отъезда она все еще не уверена, но решает довериться судьбе. Собирая вещи, она звонит Татьяне, чтобы узнать, почему та проигнорировала ее просьбу, но внятного ответа так и не получает. Сашина ссылка, как поняла Лерснер, ведет на официальный сайт «Седьмой Атлантиды», но Венера не стала смотреть, вспомнив, что теоретически ее могут отследить.

Она сперва колеблется в выборе даты вылета, но обнаружив свободные места на завтрашний подходящий рейс, не раздумывая, приобретает билет. Благо – получение визы ей не требуется, как счастливой обладательнице двойного гражданства.

Глава 2

Ранним утром Лерснер спешит в аэропорт, а в то же время ее друзья отправляются к западной границе исследовать пещеры. Больше всего девушка хотела бы присоединиться к ним. Она обожает спелеологию и все, что как-либо с ней связано. Когда ей было лет шестнадцать—семнадцать, она обнаружила со своими друзьями в Жигулевских горах пещеру с необычной наскальной живописью. В связи с этой находкой их группу даже показали по федеральному телевидению, но всего раз и большой сенсации это не вызвало. С тех пор, почти в шутку, но не без гордости именуя себя сталкером, она исследует заброшенные здания, пещеры, и не представляет своей жизни без этой страсти. Похоже, теперь ей придется отвыкнуть от увлечения, которое всегда заряжало ее энергией и дарило яркие эмоции.

С момента взлета в ее душе царит невероятное спокойствие. Она даже тихонько посмеивается над соседом, который боится летать. Над облаками сияет утреннее солнце, а в плеере играет ее любимая музыка. Полет проходит идеально, и самолет уже начинает снижаться для посадки.

Самое время отложить немного денег в карман на мелкие расходы. Венера открывает кошелек... и от шока ее обдает холодом. Во вчерашней суматохе она, как оказалось, упустила нечто очень важное. В связи с частыми поездками, у нее два кошелька: для рублей и для евро. Последний, она «благополучно» забыла дома вместе с банковскими картами, а в кошельке для рублей, который она по рассеянности не проверила, оказались только две мелкие купюры и горстка мелочи. Вчерашний стресс здорово выбил ее из колеи, что привело к таким глупым ошибкам. Вся эта ситуация была бы значительно легче, если бы Венера предупредила хоть кого-нибудь о своем приезде и попросила бы ее встретить. Несколько человек из ее окружения без раздумий пришли бы ей на помощь. А теперь что? Звонить друзьям или тете и умолять, чтобы ее забрали из аэропорта? Опять же, кто-нибудь из них согласиться, но помощи придется ждать несколько долгих часов. Или созвониться с родственницей и договориться, чтобы она заплатила за такси по приезду? Ну, нет! Такое обернется выслушиванием совершенно ненужных нотаций, а нервы девушки и без того на пределе. Внушить водителю такси, что он должен отвезти ее в другой город бесплатно? Нет! На такую подлость она не пойдет, даже если придется проторчать в аэропорте часов пять, ожидая, пока ее заберут. Комично даже: салон красоты поправит ее безрадостное финансовое положение всего за день или два, но сейчас между ними сотни километров, возможности преодолеть которые у Венеры нет.

Самолет приземляется в начале третьего по Москве. Пройдя таможеню и получив багаж, Лерснер всерьез озадачилась, как поступить. Поддавшись унынию, она уже теряет веру в то, что кто-то согласится прийти, вернее, приехать ей на помощь.

– Венера! – внезапно как будто кто-то ее окликает, но она не реагирует. Мало ли, что причудится? – Лерснер! Вера!!! – слышится уже отчетливее. – Вот глухомань!

Девушка поворачивается и видит молодого человека, который, уловив ее внимание, машет ей рукой. Среднего роста, аккуратный шатен, одет по моде – это Роман Левицкий, тот самый Роман, с которым Венера еще вчера говорила по телефону.

– Какого черта ты здесь делаешь, ты же был в Туле? – вместо приветствия произносит Лерснер.

– Я тоже рад тебя видеть! – без малейшей обиды в голосе усмехается Рома.

– Прости, – улыбается она. – Но как?! Опять прочитал в газете?

– Да, в разделе «Что делать, если вашу подругу зовут Венера Лерснер». Увлекательный раздел. Я правильно понял, что тебя надо было встретить?

– Все правильно, но как?! Я понимаю, интуиция или во сне приснилось, но как ты узнал, где и когда?

– «Когда» – приснилось. А с «где» возникли проблемы: я колебался между Домодедово и Шереметьево – пришлось кидать монетку.

– Шутишь?

– Разумеется. Ну, пойдём?

– Конечно, пошли! Но, Ромка, как ты понял, что меня надо встречать?!

– У тебя такая плохая память, что ты не только орфографию забыла, но и не помнишь, как сама просила тебя встретить?

– Чего?

Вместо ответа Роман, покопавшись в телефоне, показывает подруге сообщение. Девушка замирает, глядя на экран.

– Я этого не отправляла! – наконец, говорит она. – Ром, я вообще не пользуюсь мессенджерами, у меня ни одного не установлено. У меня телефоны ломаются так часто, что я не загружаю их ни чем лишним. А это... Да ты посмотри! Здесь вместо «помоги» написано «па моги», а вместо «встретить» – «врстеть». Как ты вообще понял?

– Ну, да, так скажем, стиль меня удивил. Но моей сестре четырнадцать, и к подобным перлам я привык. Я подумал, что ты слегка приняла на грудь жидкости для снятия стресса. Нет?

– Нет! Я не пила, не писала тебе ничего и мессенджерами я не пользуюсь!

– Значит, я должен был тебя встретить, и меня направили к тебе. А что у тебя случилось, что тебе понадобилась помощь? Неужели те сектанты тебя и здесь нашли?

– Н-нет, тут другое... Мне, правда, нужна была помощь. Видишь ли, я забыла дома и деньги, и карты.

Роман от души рассмеялся, услышав такое. Разумеется, положение у Венеры незавидное, но его смех является, своего рода, разрядкой для него самого. С момента получения странного сообщения от подруги он только и представлял, как они будут уносить ноги от безумных сектантов. Рома никогда не искал приключений, поэтому, узнав истинную причину Венериных неприятностей, испытал огромное облегчение.

– Двадцать первый век! Люди расплачиваются часами, браслетами и телефонами. Ты вообще в курсе, что так можно? – произносит он с улыбкой.

– Я же тебе говорю, не выдерживает меня электроника! Фитнес-браслет сдох за месяц, телефонов хватает месяца на три.

– Не обижайся, я к слову это сказал. У меня тоже постоянно все ломается. Так что я, как никто, тебя понимаю.

– Ты меня повезешь в Тулу?

– А ты не хочешь?

– Ну, я...

– Вер, – перебивает ее Левицкий, – мне сейчас почти все равно куда ехать: с одной стороны, я не против вернуться в Тулу, но с другой, я хотел бы побывать дома и увидаться с родными. Так что все зависит от тебя.

– Тогда домой!

– Отлично! Пошли!

Венера молча кивает, улыбается и следует за своим другом. Роман подводит ее к новенькому темно-синему седану. Лерснер, как сторонница пешего туризма, с предубеждением относится к чемоданам, поэтому во всех поездках ее, как верный спутник, сопровождает большой туристический рюкзак. Положив его в багажник, девушка занимает место на переднем сидении. Машина быстро покидает территорию аэропорта и встраивается в монотонный поток автомобилей на транспортном кольце.

– Ром, что это за «Седьмая Атлантида»? – спрашивает она после долгого молчания. – Саня прислал мне ссылку на их сайт, но мне как-то не хочется по ней проходить.

– И не ходи. Там нет ничего интересного. А вот интересно то, что мы никак не можем понять, что это за организация, кто за ней стоит, и чем мы им помешали. По слухам, достоверность которых ты сама знаешь на каком уровне, они зачем-то на нас охотятся, и даже вроде бы кого-то довели до самоубийства.

– Серьезно?!

– Вера, я не знаю, я передал тебе то, что слышал сам. Кем бы они ни были, а встречаться с ними мне бы не хотелось.

Дорога – привычная и однообразная, не вызывающая никаких эмоций, кроме тоски. По обе стороны от асфальтного полотна лежит грязный весенний снег. Кое-где над равнинами кружат ястребы, высматривая мышей. Друзья брезгают питаться в придорожных забегаловках и сетевых кафе, которые так и манят своей рекламой. Их придирчивость в еде приводит к чувству голода, которое ощутимо портит настроение обоим.

Родной город встречает их промозглым ветром и низкими серыми тучами, роняющими на землю редкие капли дождя.

– А как вообще тебя занесло в Тулу? – спрашивает девушка, глядя в окно.

– Бизнес, Верочка. Филиал мы открываем. Я теперь до июня там за главного, – обреченно вздохнув, отвечает молодой человек.

– Что-то ты не рад.

– Да, блин, не мое это! Кому вообще может быть интересно руководство ЧОПом?

– Ой, не заливай! Нет ничего такого ужасного в твоей работе, нытик.

– Бессердечная ты.

– Реальность жестока, а я реалистка.

Тем временем они добираются до места своего назначения – четырнадцатизэтажного дома, где живет тетка Венеры. Роман останавливает машину у подъезда.

– Я оплачу тебе бензин. На днях перекину на карту, хорошо? – говорит девушка, решив хоть как-то отблагодарить его за заботу.

– Вер, ты хочешь меня обидеть? Я ни копейки от тебя не приму.

– Но ты же целый день из-за меня потерял!

– Целый день я не потерял, а провел с подружкой, которую давно не видел. Ясно?

– Ясно, – улыбается девушка. – Спасибо, друг.

– Пожалуйста! – произносит молодой человек и открывает багажник. – Обращайся! Будет скучно – приезжай ко мне.

– Посмотрим. Пока!

– Счастливо!

Простившись, Венера забирает свои вещи и скрывается за дверью подъезда. Долгий, безумный день подходит к концу. После безрезультатной попытки вызвать лифт, Лерснер поднимается на шестой этаж по лестнице и звонит в знакомую дверь теткиной квартиры.

– Guten Tag, Mari¹. У вас опять лифт не работает? – задыхаясь, обращается она к эффективной брюнетке, открывшей дверь.

– Wie immer, – очень надменно отвечает дама, одновременно жестом приглашая племянницу войти. – Hast du Deutsch schon vergessen?²

Тетя Венеры очень непростой человек. Она жеманная, высокомерная, своенравная. При всем этом в свои сорок шесть женщина выглядит великолепно. Дело даже не в ежедневных посещениях салона красоты, которым она владеет вместе с Венерой, не в безупречной фигуре, поддерживаемой строжайшей диетой, а в ее самоощущении или, вернее даже, в выбранном ею образе. Марина Генриховна всегда считала себя уникальной. Иногда кажется, что она живет

¹ Добрый день, Мари. (нем.)

² Как всегда. Ты уже забыла немецкий? (нем.)

не в своем времени. Ей куда больше подошла бы Викторианская Англия, где она стала бы уважаемой и очень чопорной леди. Так она и воспринимает себя – как леди из старых романов. Конечно, таким самомнением она отталкивает от себя многих достойных людей, но это только повышает планку ее самооценки. В какой-то момент она стала требовать от всех родственников говорить с ней только по-немецки или, по крайней мере, не смешивать русские и немецкие фразы в «лингвистическую кашу», как она выражается. В результате родственники, оставшиеся в России, свели общение с ней к минимуму. Именно с подачи Марины Генриховны ее племянницу назвали редким именем Венера. Своих детей у Марины Генриховны нет, поэтому к Венере она всегда относилась как к родной дочери. Решив открыть собственный салон красоты, она, не задумываясь, сделала ее совладелицей.

– У меня рюкзак килограмм, как минимум, десять весит, какой уж тут Deutsch? – возмущается, девушка, но все-таки переходит на немецкий, и первым делом спрашивает: – Что там с салоном?

– Все в порядке. Но я рада тебя видеть, – все так же надменно, отвечает Марина Генриховна. – Что ты там такое страшное написала Елене, я ее вчера весь день валерьянкой отпаивала?

– Она меня зачем-то вызвала из-за какой-то рядовой проверки, – признается девушка.

– Странно. Мне она ничего не говорила, может, что-то серьезное с бумагами? Ко мне они обращаются только, когда потеряют ножницы или сожгут фен.

– Да, нехорошо получается, – отвечает Венера, так и не поняв, обижается ли тетя на то, что подчиненные не обращаются к ней с серьезными проблемами, или ей все равно.

– Нет-нет, дорогая, документация – это твоя обязанность, я не против быть завхозом, – вопреки своим собственным правилам, слово «завхоз» Марина Генриховна произносит по-русски. – Как ты добралась? – наконец интересуется она.

– Нормально.

– Голодная?

– Да.

– Очень?

– Да.

Марина Генриховна всерьез задумывается: нормальная еда в ее доме бывает редко, а диетических продуктов, как правило, хватает только на одну порцию, которой, определенно, не хватит, чтобы накормить голодную племянницу досыта.

– Есть, как всегда нечего? – догадывается Венера.

– Есть салат из капусты, двести грамм, но в нем, кроме капусты и лимонного сока, ничего нет. Может, лучше съездим в ресторан, а потом заедем в супермаркет?

– С удовольствием!

– Тогда переоденься, причешись, ибо так приличные люди в публичных местах появляться не должны!

С тяжелым вздохом, девушка идет переодеваться. Она не привезла с собой ничего из «правильной», по мнению тети, одежды, но таковая в избытке хранится здесь, в шкафу. Марина Генриховна сама подбирает ее племяннице, руководствуясь тенденциями моды, в которых вполне может считаться знатоком.

Не проходит и пяти минут, как Венера переодевается в строгую блузку в голубую полоску, вроде мужской рубашки, и серый строгий, но торжественный брючный костюм с коротким приталенным жакетом.

– Офисный планктон. Отвратительно! – резюмирует тетя по-русски с легким акцентом.

– Я знаю, – отвечает Венера по-немецки, – но на улице очень холодно, и в ресторане тоже может быть прохладно, а вся остальная одежда слишком легкая или мягкая, или неудобная.

– Ладно, это все же лучше, чем старые джинсы.

– Чем тебе джинсы не нравятся? Я камуфляжные штаны собиралась надеть, но они были грязными после похода. Я тогда еще здорово порезалась и перемазала их кровью. Так что пришлось надеть джинсы.

– Вера, что ты такое говоришь?! Ты же девушка! Представляю, как бы работники салона удивились, увидев тебя в окровавленных камуфляжных штанах! В Германии ходи в чем хочешь, но здесь я не позволю тебе меня позорить своим видом. Давай, садись на стул, будем причесываться!

Девушка молча повинуется, а Марина Генриховна принимается укладывать ее волосы сзади в аккуратный и очень сложный пучок.

– Хорошо, что приехала, но ты же могла позвонить, и я бы все уладила, – рассуждает женщина, закрепляя очередную прядь Венериных волос шпилькой.

– Дело не только в салоне, – отвечает ее племянница, стараясь не шевелить головой, – меня Саша просил приехать...

– Это хорошо. Он мне нравится, но у него ужасная фамилия.

– Паршин? – удивляется девушка, не видя в такой фамилии ничего ужасного. – Чем лучше любая другая фамилия?

– Ты не права, «Паршин» – это же от слова «парша»!

«О, боже, началось! Новый бзик!», – думает Венера, но сдерживается от того, чтобы сказать это вслух.

– Если вы поженитесь, не бери его фамилию, или пусть лучше он возьмет твою, – продолжает тетя.

– Поженимся?! – возмущается девушка. – Не надо этого!

– Смотри, а то будешь жить так, как я. Будешь старой и никому не нужной! Готово!

– Мари, ты совсем не старая! – возражает Венера, вставая со стула. – Ты очень красивая женщина, и тобой все восхищаются, и не ври мне, что у тебя мало поклонников!

– Я знаю, – улыбается Марина Генриховна, – просто напрашиваюсь на комплимент.

– Прекрасно, но перестань сводить меня с Сашей! Мы в состоянии самостоятельно разобратся в наших отношениях. А сейчас я очень хочу есть. Пошли уже!

– Пошли!

Женщины накидывают красивые, дорогие пальто и покидают квартиру. Если бы кто-то обратил внимание на то, какой Венера вошла в подъезд, и какой она вышла в компании своей тетки, то, несомненно, поразился бы ее внешнему преображению. Всего-то ее прическа стала аккуратнее и старая, поношенная, но бесконечно удобная одежда сменилась более женственной и изысканной, а уже создавалось впечатление, что она стала другим человеком.

За руль любимой машины Марина Генриховна Венеру не пускает, несмотря на то, что племянница тактично ей на это намекает. Лерснер за сегодняшний день уже устала быть пассажиром, и ей хотелось немного порулить самой.

Их совместный вечер проходит без сюрпризов. Перекусив в ресторане, дамы отправляются в супермаркет за продуктами, которые обе считают здоровыми. Сложив покупки в багажник, они мчатся по вечернему апрельскому городу домой.

Перед сном Венера снова звонит Саше и договаривается на завтра о встрече. Еще совсем не поздно, но девушка очень утомлена и, оказавшись в комнате, которую Марина Генриховна выделила для нее, когда Венера была еще подростком, она сразу засыпает, как только ее голова касается подушки.

Глава 3

Стрелки часов едва успели проскользнуть в начало двенадцатого, как в крупном салоне красоты в центре города работа полностью парализовалась, в связи с внезапным появлением строгой и несколько деспотичной хозяйки, за тяжелый характер получившей ироничное прозвище «Гестапа». Каждый сотрудник, чуть ли не с порога, получает от Лерснер хотя бы одно замечание, касающееся порядка на рабочем месте, качества работы, внешнего вида или нерасторопности. Венера целенаправленно идет к кабинету управляющей, Елены Тарасовны, по пути высказывая свое мнение относительно качества уборки. Кажется, ей ничем нельзя угождать, и она цепляется к людям только для того, чтобы расстроить их. Словно их обиды и боль подзаряжают ее энергией. Нельзя также отрицать, что благодаря пусть даже чрезмерной строгости, ее салон по качеству обслуживания считается одним из лучших в городе.

– Так что у вас случилось? Я же все проверила перед отъездом, и все было в порядке. Что вы за это время успели натворить такого, что потребовалось мое вмешательство?! – строго спрашивает Лерснер, сидя в небольшом кабинете директора и просматривая документацию.

– Ничего у нас не случилось, – бледнея от страха, бормочет директор.

– Как это ничего, а проверки, к которым вы не готовы?! Ты же мне сама писала! Кстати, к чему такой официоз, я же просила тебя не называть меня на «вы» и по имени-отчеству? Что случилось, Лена?!

– Вера, я тебе ничего не писала и на «вы» тебя не называла, – оправдывается Елена Тарасовна.

– Как это? Давай покажу! – с этими словами девушка обходит стол, склонившись над ноутбуком, входит в свою почту и показывает Елене письмо. – «Венера Эвальдовна»... я же говорила, что ненавижу, когда меня так называют!

– Я видела его, но Вер, я не могла отправить тебе такое письмо, – недоумевает директор. – Подожди! А ты дату видела, я же дату в теме всегда ставлю?

– Да, шестое апреля, – уверенно отвечает Лерснер, даже не глядя в монитор.

– А год? Год-то прошлый!

Венера внимательнее присматривается к письму и, указав на дату пальцем, произносит:

– Ты что живешь в будущем или не знаешь, какой у нас год?

– Не здесь! – со страстью продолжает Елена, уверенная в своей правоте. – Это автоматически ставится! Я пишу дату сама в теме письма! Считаю это пунктиком, но это удобно, и получатель всегда видит...

– Ты пытаешься меня убедить, что сообщение шло ровно год?! – не желая выслушивать лишнюю информацию, перебивает ее Венера. – Ты просто перепутала цифры!

– Помнишь, я тогда только пришла работать? Кстати, я тогда тебя, действительно, на «вы» называла. И проверка у нас в том апреле была. Помнишь? И письмо я писала, я же тебя тогда из Воронежа вызывала, ты же тогда в России была в какой-то экспедиции! Помнишь?! – радуясь чему-то, восклицает Елена.

– Ну, допустим, но почему я получила это письмо в этом году, и в тот же день, вернее, ночь?! Разве такое бывает? – удивляется девушка, стараясь сохранить строгость.

– Понятия не имею... – Елена задумывается. – Может быть, если все письма автоматически копируются в «Черновики», произошел какой-нибудь сбой, и одно из них отправилось само собой?

– Да разве такое бывает, чтобы еще и дата совпала?! – возмущается Венера, но тут же сдается, – Ну, другого объяснения, похоже, нет. – Оценив состояние своей сотрудницы, она добавляет, ничуть не смягчив интонации: – Ты чего вся трясешься?! На тебе ответственность, Лена, ты директор, директор не может быть таким нервным! Приводи себя в порядок, не взду-

май показаться перед подчиненными в таком виде! Это меня сейчас должно колотить! Я из-за твоих сбоев бросила все дела и примчалась спасать салон!

Несмотря на горячий накал разговора с директором, в душе Венера остается спокойной и мысли ее уходят все дальше и дальше от проблем салона красоты. Это письмо не было случайностью, как уверяет Елена. По какой бы причине и кем бы оно ни отправилось, это свершилось ради совершенно определенной цели. Осознав, что те странные личности, что приходят к ней во снах на протяжении всей ее жизни, которых она видела в ту самую ночь, почему-то очень хотели, чтобы она как можно скорее покинула Германию, Лерснер прекращает расспросы и придирки. Она прекрасно знает, что понять ее смогут только те несколько человек, которые видят такие же сны. Девушка не задерживается в салоне. Она спешит теперь на встречу с самым лучшим другом.

Квартира Александра Паршина находится почти в часе езды от салона. Перезвонив ему, Венера узнает, что мужчина уже закончил работу и ждет ее дома. Проходит еще немного времени, и он уже встречает девушку в своей прихожей. Она, как всегда шутит по поводу любимой одежды Саши, а именно, черной футболки с изображением скелетов и зомби.

– Пациенты бы тебя видели! Они сошли бы с ума во второй раз! – смеется она.

Люди, встречающие Паршина в частной жизни, очень удивляются, когда узнают, что он психиатр, работает в местном психоневрологическом диспансере, и на этой работе он, несмотря на свои 29 лет, находится на очень хорошем счету. В своих же любимых цепях, коже, агрессивных футболках он больше походит на пациента ПНД, чем на врача.

Еще в школе Саша определился с выбором профессии. Подобно Венере он видит сны, в которых общается с таинственными и могущественными существами. Кроме того, он может похвастаться еще многими необычными талантами и способностями. Такие люди, как они с Лерснер, часто ищут себе подобных, и Паршин не стал исключением. В начале поисков ему сопутствовал успех – он нашел несколько ребят. Однако один из его новых друзей не выдержал частого контакта с потусторонними силами, и к шестнадцати годам сошел с ума. Скорее всего, именно это повлияло на Сашу. После той печальной истории он понял, что психика человека не всегда может справиться с такими вещами. Неизвестно, хотел ли он, выбирая психиатрию, вовремя заметить и предотвратить симптомы душевной болезни у себя или стремился защитить от нее друзей. Впрочем, возможно, ему всего лишь приснилось, что его призвание – лечить ментальные расстройства.

С Лерснер Паршин познакомился три года назад, и в этом тоже оказались замешаны мистические персонажи из их снов. А дело было так: Александр сидел за столиком в кафе, куда частенько заходил после работы, и без особого интереса наблюдал за красивой блондинкой. Красавица привлекла его внимание тем, что всего минуту назад очень эмоционально разговаривала с кем-то по телефону на другом языке. Почувствовав его взгляд, она обернулась и застыла в немом удивлении. Присмотревшись к ней получше, Саша тоже обомлел, ведь сегодня ночью он видел ее во сне. Вот только за время, проведенное на работе, пророческое послание вылетело у него из головы, поэтому он не узнал ее сразу. А снилось ему, будто он так же сидел в этом самом кафе, а неподалеку разместилась компания из трех человек: эта девушка и двое эффектных мужчин, из которых один – брюнет в длинном темном плаще, а другой – русоволосый, в плаще болотного цвета. Их Александр видел часто, а вот девушку впервые. Во сне она подошла к нему вместе с русоволосым спутником, который произнес слова, сейчас отчетливо всплывшие в его памяти:

«Скучал по ней? Учти, ты отвечаешь за нее головой».

И вот она в реальности оказалась за соседним столиком. Вероятно, блондинке в эту ночь снилось что-то подобное, так как она тут же подошла к нему. Разговор, который возник между ними, напоминал диалог двух разведчиков.

– Знакомое лицо. У нас, случайно, не один учитель был? – спросила она, и в этот момент Паршин уже не сомневался, что перед ним стоит такой же феномен, как и он сам.

– Скорее всего, – ответил он, – ему очень идет его черное пальто...

С тех пор они стали почти неразлучны.

Сейчас он снова встречается ее у себя дома, однако, в этот раз с тревожными чувствами.

– Так, сначала расскажи, что произошло, – говорит он, садясь напортив дивана, на который только что усадил Венеру.

– Ты читал мое сообщение? – первым делом спрашивает Лерснер.

– Об этом после, птенчик. Рассказывай все, что было с того момента, как проснулась в тот день, – при разговоре, по своей профессиональной привычке Александр старается держать свое лицо на уровне ее лица и не сводить взгляда с ее глаз.

Венера подробно рассказывает обо всем, что интересовало его. Выслушав рассказ, Саша, наконец, резюмирует:

– Понятно. Хорошо, что уехала оттуда. Ты в опасности, поживи здесь какое-то время. Если я тебя понял, у тебя произошло что-то вроде сильного выброса энергии, это, правда, похоже на взрыв. Со мной такого, вроде, не случалось, по крайней мере в этой жизни, но я достаточно ярко представляю твои ощущения. Думаю, такое вполне могло убить кого-нибудь. Раньше с тобой что-то подобное было?

– Нет, но я могу, например, батарейку немного подзарядить, держа в руках. Когда злюсь, у меня электроника ломается. Уже два телефона вышли из строя с начала года, да и новый уже барахлит. Компасы мне вообще давать нельзя – размагничиваются, – отвечает Венера будничным тоном, словно говорит о вполне обыденных вещах.

Доктор, выслушав ее рассказ, берет со стола скрепку и прикладывает к ее лбу. Когда он убирает руку, скрепка падает девушке на колени. Она машинально прослеживает глазами за ее падением, и, недоуменно взглянув на друга, спрашивает:

– Что это было?

– Я уже подумал, что ты и предметы можешь притягивать, – усмехается он. – Забавно было бы. Скажи лучше, что ты чувствовала после того, как это случилось? Подавленность? Тоску? Тревогу?

– Н-навверное, тоску и подавленность, даже жить не хотелось.

– Когда ты пришла в себя? – продолжает допрос доктор Паршин.

– В небе.

Он задумывается, глядя куда-то в сторону, и затем, произносит, откинувшись на спинку стула:

– Понятно. Значит, я был прав: у тебя произошел, грубо говоря, выброс энергии, когда ты испугалась, поэтому ты почувствовала себя нервно истощенной. Тебе требовалось время, чтобы восстановиться. Постарайся в ближайшее время не волноваться. Сейчас-то желание жить появилось?

– Саш, если я не хочу умирать, это еще не значит, что я хочу жить, – с легким, но заметным раздражением, произносит она.

Паршин опускает голову и медленно, прикусив губу, выдыхает.

«Плохо, плохо. Неужели и ты?.. Надо бы за тобой понаблюдать», – думает он, а Венере говорит:

– Ладно, постарайся не оставаться надолго одна. И не волнуйся! Все у тебя хорошо! Устрой себе внеплановый продолжительный отпуск, развлекайся. Если что, я буду рад тебе с этим помочь.

Саша на минуту выходит на кухню и возвращается с открытой бутылкой белого вина и тарелкой нарезанных фруктов. Поставив все это на низкий столик, он подвигает его ближе

к дивану, затем садится рядом с девушкой и достает из-под диванной подушки плитку белого шоколада.

– Будем пить из горла? – намекает она на отсутствие бокалов.

– Момент! – Саша снова отправляется на кухню и приносит два узких фужера из тонкого стекла.

Друзья пьют вино с фруктами и шоколадом и болтают о всякой ерунде, как бывает почти всегда, когда они остаются вдвоем. После даже недолгой разлуки они чувствуют огромную потребность в общении друг с другом, поэтому каждая такая встреча для них является почти праздником. Фруктов еще много, а вот вино и шоколад заканчиваются быстро, но доктор это предусмотрел, и первую бутылку вина сменяет вторая, после чего он приводит Венеру в полный восторг, достав еще одну шоколадку из-за ее спины.

– Теперь можно продолжить серьезный разговор, – говорит он, наполняя бокалы свежим вином. – Я про твой сон. Что тебя удивляет?

– Что мы сначала напились, а теперь заводим серьезный разговор, – смеясь, отвечает она.

– Это нормально! Что тебя в твоём сне не устраивает? Нам и не такое снилось.

Венера задумывается, вспоминая свои ощущения и странный осадок в душе, возникший при пробуждении.

– Что он запретил мне лазить по развалинам, например, – говорит она первое, что вспоминает.

– Это разумно с его стороны, я бы тоже запретил. Еще!

– Ты мне просто завидуешь! Ты никогда не испытываешь того, что чувствую я, когда нахожу что-то интересное в каком-нибудь заброшенном бункере или пещере!

– Меня не тянет к такому экстриму. Тем более во всяких старых домах, которые ты так любишь, могут обитать неуспокоенные души. Они способны взаимодействовать с восприимчивыми людьми, как ты. Привяжется кто-нибудь к тебе вот так, и будет сводить с ума, потом ты обратишься к немцу-психотерапевту, который не увидит духа, меня не окажется рядом, и он с чистой совестью поставит тебе диагноз и пропишет галоперидол.

– За психиатров, которые видят духов! – тут же выдает тост Венера.

– Рассказывай еще! – требует Паршин после того, как они выпили «за психиатров».

– Он мне рану вылечил, а она наяву исчезла, – произносит Венера, чувствуя, что пьянеет все больше и больше.

– А вот это круто! Что тебя тут не устраивает? Наоборот было бы хуже, – подмигивает он ей.

– Ну, еще он предлагал мне умереть ради него, а я отказалась, – равнодушно говорит девушка.

– А вот это ты правильно сделала! Он же тебя так проверял! Мне тоже подобное снилось, но с пояснением. Так вот, если бы ты согласилась, ты бы уже никогда не проснулась, он бы уничтожил тебя. Потому что если бы ты согласилась, он бы решил, что ты фанатик! Что ты готова на любую его прихоть, а зачем ему это? Там нужны только лучшие – Венеры, способные думать своей головой! – улыбаясь, поясняет Паршин. – Что еще расскажешь?

– А-а еще меня Святобор на шабаш пригласил, – хвастается она.

– Ну, съезди, может, познакомишься с колдуном или привезешь мне оттуда колдунью, – смеется Саша.

– Бабу Ягу, – кивнув, обещает ему девушка.

– Русалку.

– На уху.

– Ты ревнуешь меня к вымышленному персонажу? – Паршин смеется и делает глоток вина.

– Я никогда никого не ревную без причины!

– Конечно. Особенно, к русалкам.

– Ну, да, вообще-то, я иногда перегибаю. Поедешь со мной, а то одной мне страшновато?

– Постараюсь. А что значит «Святобор»? Он борется со святостью или за святость?

– Или на святках! – Венера с хохотом заваливается на диван.

– О-о-о! Да с тебя уже хватит, – он обнимает моментально затихшую подругу и прижимает ее к себе. – Что со мной сделает твоя Цербер Генриховна, когда увидит, что я тебя так напоил?

– Она же не узнает, – тихо отвечает блондинка, заглянув ему в глаза. – Чайку попьем, и я протрезвею.

– Ты ведь еще не торопишься домой, я надеюсь?

– Нет.

– Вот и хорошо! А когда уйдешь... – Паршин вдруг ощущает какое-то странное шемящее чувство, словно сердце, обвивая, сдавливает ледяная змея. – Главное, что бы ни случилось, не нервничай, и не оставайся надолго одна! Вера, у меня все-таки плохое предчувствие. Может, останешься у меня? Мне как-то боязно тебя отпускать.

– Все хорошо будет, ведь я уехала оттуда, – непринужденно улыбается она. – Саш тебе не о чем беспокоиться.

– Надеюсь, но если что, звони в любое время! – стараясь выглядеть веселым, говорит он.

– Договорились, – отвечает девушка.

Уже стемнело. Саша с Венерой теперь пьют крепкий чай. Слабая искра, вновь пробежавшая между ними, как напоминание о прошлой связи, гаснет без следа. Он провожает ее до остановки, где они и расстаются.

Глава 4

Вид вечерних улиц из окна маршрутного такси навевает мысли о чем-то прекрасном и далеком. Лерснер размышляет над тем, что гармония присутствует во всем, надо всего лишь ее заметить. Выйдя на своей остановке, Венера сворачивает в темный двор четырнадцатизэтажного дома. В ее душе царит спокойствие и умиротворение. В таком настроении она входит в подъезд и, оказавшись у дверей лифта, нажимает на кнопку. Секунд через пятнадцать девушка тихим шепотом высказывает все, что думает о неработающих лифтах, и поднимается по лестнице. Мысли о гармонии в мире окончательно улечиваются, когда на площадке четвертого этажа на ее пути возникает компания нетрезвых подростков. Ответив что-то грубое на просьбу о сигарете, девушка продолжает свой путь. Вскоре она устало заходит в теткинскую квартиру и, захлопнув за собой дверь, прислоняется к ней спиной. Закрыв глаза, она несколько раз глубоко вздыхает.

– Венера! – окликает племянницу Марина Генриховна, как только та появляется в квартире. – Где ты была?

– Я уже пришла, – отвечает, совершенно не в тему, почти протрезвевшая девушка.

Марина Генриховна появляется в прихожей, держа в руке длинный мундштук с сигаретой.

– Ты что? Выпила? – с обычной надменностью спрашивает женщина, присмотревшись к поведению родственницы, которая стоит, словно прилипнув к двери. – Надеюсь, это Саша тебя напоил, а не Ленка. Но это уже твое дело, с кем пить. Я забыла вчера тебе сказать, я завтра еду на семинар для предпринимателей.

– На весь день? – немного взволнованно произносит Венера, которой совершенно не хотелось коротать время в одиночестве. Это не похоже на тревогу или страх, скорее она испытывает внутренний протест, но выразить его не осмеливается. Она давно уже не ребенок, чтобы ей требовалось постоянное внимание; она, приехав, сама вмешалась в ход дел Марины, и требовать от нее отмены ее же планов, было бы преступлением.

– На сутки. Выезжаю утром, следующим утром вернусь, – гордо отвечает Марина Генриховна.

– А почему так долго? – расстраивается девушка.

– Разве это долго? Тем более, семинар в Москве. Начинается утром, продлится весь день, а так как организатор любезно предоставляет гостиницу, я не собираюсь среди ночи никуда ехать, – сухо поясняет женщина и возвращается в комнату.

Кажется, впервые Венера расстраивается от того, что ей предстоит остаться одной. Она проходит в главную комнату, взяв портсигар Марины Генриховны, достает сигарету и закуривает.

– Венера! – возмущается ее тетя. – Если хочешь курить – не кури как плотник! Женщина обязана все делать красиво, даже курить!

Племянница игнорирует замечание и, сделав пару затяжек, бросает сигарету в пепельницу.

– Твои друзья на тебя плохо влияют, – недовольно произносит женщина, отвернувшись от родственницы. – Спать иди, уже поздно.

Венера уныло идет в свою комнату.

Она долго не может уснуть, а спит очень беспокойно. Неведомая тоска не дает ей расслабиться. Причин грустить и волноваться у нее, кажется, совершенно нет, и Венера понимает это, но легче ей не становится. Возможно, предчувствие беды, которое днем озвучил Паршин, передалось ей? Все же ближе к утру, девушке удается уснуть. Ее накрывает очень крепкий

сон, в который не проникают ни тревожные мысли, ни посторонние звуки. Поэтому Венера и не реагирует на голос Марины Генриховны, которая, выходя, окликает ее:

– Вера, закрой за мной!

Проснувшись, она долго лежит в постели, пытаясь понять, что ее тревожит, но причину так и не находит. Одевшись, Лерснер садится перед телевизором, привлеченная нудной утренней передачей. Тревога возрастает, и девушка уже не знает, чем себя успокоить.

В первом часу дня неожиданно раздается звонок, молчавшего последние полгода телефонного аппарата. Венера лениво снимает трубку и сухо произносит:

– Да?

– Эмм... Марина Генриховна, можно Венеру? – мужской голос звучит довольно резко, в нем чувствуются негативные нотки.

В свое время девушка оставляла знакомым и друзьям из Гамбурга номер мобильного, которым пользовалась в России, и номер стационарного телефона Марины Генриховны, чтобы в случае экстренной необходимости они могли с ней связаться. Российский мобильный номер она сменила уже достаточно давно, но не всех об этом оповестила. Стационарный же номер оставался неизменен уже много лет.

– Это Венера и есть, – перебивает звонящего Лерснер, после чего у человека, говорящего с ней, похоже, начинается истерика.

– Здорово, тварь!

– Что?!

– Узнаешь? Это Марк. Тот самый Марк, который не любит, как ты говоришь, экстрим! Стра-анно, чего ж ты не поехала в этот раз?! – снова кричит он в трубку.

Марк – постоянный спутник той компании, с которой Венера исследует развалины в Германии. Однако сам он не разделяет увлечения своих друзей, считая все это бессмысленной и опасной тратой времени и сил. Ему больше нравится слушать рассказы об экспедициях товарищей, но сам он все время пытается отговорить их от новых поездок.

– Меня срочно вызвали в Россию. А что?

– А что?! – ревет Марк, еще больше повышая голос. – А ничего! Пещера обвалилась! Все погибли! Семь человек!

– Как погибли?! – шепчет она, не веря услышанному.

– Насмерть, Вера, насмерть! – со злостью кричит звонящий.

– Не может этого быть! – девушка чувствует, как от шока медленно опускается на пол. – Я никогда бы не отпустила их одних в пещеру, если бы был хоть минимальный реальный риск ее обрушения! Да те пещеры динозавров пережили! Что там вообще надо было делать, чтобы пещера обвалилась?! Скорее всего, они полезли не в пещеру, а в старую шахту! Но я предупреждала их, что этого делать не надо!

Кровь мгновенно отливает от головы, а к горлу подступает комок, мешающий дышать. Венера не испытывает сочувствия к своим друзьям, в ее душе творится что-то невероятное, как будто смешиваются все возможные эмоции, кроме естественной в такой ситуации жалости. В голове пульсирует, причиняя почти физическую боль, только одна мысль:

«И я должна была быть среди них!»

– Ты конченная тварь! – орет Марк. – Ты и сейчас пытаешься повернуть все так, как будто они сами ее на себя обрушили!

– Почему ты кричишь на меня? – слабо произносит она.

– А кто в этом виноват?! – не отдавая себе отчета, продолжает он.

– Я? – голова Венеры идет кругом, но все же усилием воли, она держит себя в сознании, не позволяя себе упасть в обморок.

– А кто еще уговорил их идти в ту пещеру?! Ты! Ты знала, что там опасно, потому и сбежала, как крыса! Они ходили по зданиям, а ты?! Спелеология, сталагмиты!.. Семь человек, Вера, семь человек! Я ненавижу тебя!

– Я не уговаривала... Ты жалеешь, что меня там не завалило? – с трудом произносит она.

– Нет, – кричит он, – я жалею, что из-за какой-то крысы погибло семеро моих друзей! Ты слышишь меня?! Это на твоей совести! Будь ты проклята! – выпалив это, он бросает трубку.

Лерснер, уже сидящая на полу и слушающая гудки, медленно заваливается на бок, теперь уже сознание покидает ее. Сколько времени проходит, девушка не ощущает.

Очнувшись, Венера продолжает лежать на полу, пытаясь вспомнить, что же с ней произошло. Медленно ее память восстанавливается, но с пола она так и не встает, даже не меняет неудобную позу. Зачем вставать, зачем что-то делать? Она призывала свою группу к самостоятельности, но стоило всего раз оставить их, как они погибли. Может быть, она, действительно, виновата, что не отговорила их от похода? А если она виновата, то значит ли это, что Марк прав?

Глава 5

Рабочий день доктора Паршина подходит к концу. Он уже собирается сменить белый халат на куртку, как в кабинет влетает молодая, невысокая, немного круглолицая медсестра.

– Александр Владимирович, вы уже уходите? – любовно лепечет она.

– Ухожу, – с раздражением отвечает он.

– А вы не зайдете ко мне?

– Исключено!

Заметив, что на глаза медсестры наворачиваются слезы, он тяжело вздыхает, подходит к ней вплотную и, теребя лацкан ее халата, томным голосом произносит:

– Я не люблю навязчивых женщин... Иди отсюда.

– Александр Владимирович, я исправлюсь! – обещает она.

– Пошла вон, – продолжает он так же томно, – придешь, когда исправишься!

Радостная медсестра выскакивает из кабинета, а Саша, переодеваясь, беззвучно смеется.

Такая ситуация повторяется почти каждый день. Дело в том, что в Паршина безумно влюблены несколько сотрудниц этого специфического медицинского учреждения. Да и есть из-за чего потерять голову: Александр Владимирович имеет атлетическое телосложение, которое не скрывает даже бесформенный халат, он высок, обладает приятным бархатным голосом, а в его лице угадывается незаурядный ум и мужество. Однако, при всех положительных качествах, есть у Саши один огромный недостаток – а именно, характер. Весь позитивный внешний образ перечеркивает его выраженная склонность к жестокости. Он издевается над всеми, кто оказывается слабее него, исключая пациентов. Сам Александр объясняет свою отрицательную черту так:

«Когда человек пугается, обижается, испытывает шок, он импульсивно выбрасывает большое количество энергии, которую забираю я. Тот человек слабеет, а я становлюсь сильнее».

Больше всего Паршин любит издеваться над влюбленными в него женщинами, которых всегда было немало, но, к его разочарованию, некоторые из них воспринимают злые шутки доктора, как знаки внимания, и начинают буквально преследовать молодого психиатра. Больше всех его взаимности добивается именно та молоденькая медсестра, которая в этот день пыталась задержать его на работе.

Уже собираясь выйти на улицу, Саша ловит на себе еще пару влюбленных взглядов. Тихо выругавшись, он выходит и, не оборачиваясь, направляется к остановке.

Александр Владимирович очень ждет свой автобус, предвидя, что в ближайшее время его догонит одна из отчаянных поклонниц, естественно, сядет вместе с ним, и всю дорогу будет надоедать. Внезапно что-то больно колет его в висок. Хотя головные боли бывают у него нередко, на этот раз ранняя ишемия мозга «радует» доктора новым, нетипичным симптомом. Сознание Саши остается ясным, но тело перестает слушаться. Неожиданно для самого себя, он переходит на другую сторону улицы, на противоположную остановку и садится в подошедший автобус, даже не глядя на его номер. Он не понимает сам, куда теперь едет, но когда автобус останавливается на одной из остановок он, так же, не понимая зачем, поднимается и спешно выбегает из него.

«Здесь же живет Верка», – только и успевают подумать Паршин, как ноги сами несут его к четырнадцатизэтажному дому.

Александр пулей влетает на шестой этаж и останавливается перед дверью в квартиру Марины Генриховны. Тут-то его боль проходит так же неожиданно, как и появилась. Он некоторое время стоит, раздумывая, что делать дальше.

«Звонить? А что сказать? Вернуться потихоньку домой? Нет, не пойдет – пришел, так пришел», – рассуждает он.

Саша слегка касается двери, от чего она бесшумно приоткрывается. Решив, что это определенно ненормально, он заглядывает внутрь и хочет уже позвать хозяйку, но слышит какое-то шуршание, доносящееся из главной комнаты. Паршин вбегает в зал, но тут же замирает. На него своими огромными глазами смотрит Венера. Она сидит на полу, держа в одной руке пластину с какими-то таблетками, а в другой – стакан с водой. Еще одна пластина лежит перед ней на полу.

По бессмысленному взгляду девушки Саша моментально догадывается, что произошло. Подскочив к ней, он вырывает из ее руки таблетки.

– Сколько ты уже выпила?! – нервно кричит он.

– Восемь, – хрипло отвечает та.

Александр проверяет название лекарства на обратной стороне упаковки.

– Черт возьми! И знаешь же, чем травиться! Как давно ты их выпила? – возмущается он, трясая ее за плечи, словно желая разбудить.

– Только что, – вяло, произносит она.

Получив ответ, Саша хватается оставшиеся таблетки и бежит на кухню. Возвращается к Венере он уже с литровой кружкой полной воды.

– Пей! – командует он.

– Я столько не выпью, – страдальчески произносит она.

– В этом-то и смысл! Надо промыть желудок. Пей! – приказывает он, поднося кружку к ее губам.

Промаявшись с медицинскими процедурами, Саша чувствует себя совершенно разбитым. Он устало падает на диван. Венера садится рядом, затем ложится на бок, кладет голову ему на колени, как на подушку, и поджимает ноги.

– Ну и денек! Я укуту тебя в «дурку»... навсегда... в палату с мягкими стенами, – тихо, с большими паузами шепчет он.

Лерснер молчит, устремив бессмысленный взгляд в одну точку.

– Что случилось? Почему ты пыталась отравиться? – спрашивает Александр, глядя ее золотые волосы.

Впервые, с момента того телефонного разговора, Венера начинает плакать. Но, несмотря на плач, остановить который ей никак не удастся, она рассказывает о гибели друзей, о том, что должна была поехать с ними, о том, что в их смерти почему-то обвиняют ее.

– А я же предупреждал тебя, птенчик, не оставаться одной, – шепчет он, немного наклонившись к ее уху. – Где твоя тетя?

– Она уехала на сутки на семинар, – слабым хриплым голосом отвечает девушка.

– Ну, почему ты не позвонила мне, почему не позвонила Илюхе с Олеськой, Ромке, да кому угодно?!

– Бондари меня не любят, а Ромка говорил, что в ближайшее время будет в Туле.

– И что из этого?

– Какая разница: позвонила или не позвонила, ты же почувствовал, что мне нужна помощь? – бормочет она.

– Вера-Вера, а если бы я не пришел, а если бы дверь не была открыта?! – шепотом спрашивает он, понимая, что подруга не ответит на его вопросы.

– А дверь была открыта? – удивляется Венера. – Марина забыла закрыть, наверное.

– Представь, каково бы ей было, если бы ты умерла? У нее же никого, кроме тебя нет. А мне каково было бы? – сокрушается Саша, слегка приобняв ее. – Ну, почему ты не позвонила? Я бы сразу пришел, ты же знаешь!

Венера молчит, считая все эти вопросы риторическими.

– Я тебя не оставлю сегодня одну, – решительно говорит он.

– Ты останешься здесь? – уже не хриплым, а своим обычным, но все еще слабым голосом спрашивает она.

– Я думаю, что хотя Марина Генриховна умнейшая женщина, она вряд ли правильно поймет ситуацию, когда увидит меня утром в своей квартире, – Саша улыбается. – Ты поедешь со мной, а ближе к вечеру я позвоню ей и предупрежу, что ты ночуешь у меня.

На часах уже без нескольких минут шесть, а это значит, что прошло уже два часа с тех пор, как доктор спас подругу от столь неразумного шага.

– Вставай! – приказывает Паршин, когда чувствует, что успокаивать ее нет больше смысла. – Собери все самое необходимое на первое время, и поедем ко мне.

Венера покорно поднимается. Скрывшись в своей комнате, она заталкивает в компактную сумочку несколько вещей из белья и переодевается.

– Я готова, – сообщает она другу, вернувшись.

– Быстро. Зубную щетку взяла? – улыбаясь, спрашивает он.

– Ее по дороге можно купить, – отвечает девушка, проходя в прихожую.

– Я вызову такси, а ты одевайся потеплее – там ветер.

Они выходят на лестницу и, держась за руки, спускаются вниз. Внезапно раздается звук мобильного Лерснер. Она судорожно достает телефон. Звонок оказался от Штрауса, что странно, ведь он никогда не жаждал общения с ней. Все-таки Венера отвечает.

– Как хорошо, что ты уехала! С твоей командой беда случилась...

– Я уже знаю, – произносит она. – Но я не понимаю, как?! Они, наверное, изменили маршрут или...

– Все фанатики к этому приходят, не удивляйся! Жалко их, конечно, но они сами знали куда шли. Я еще вот о чем хотел сказать: буквально пару часов назад ко мне подходила та дама, сектантка, и интересовалась тобой.

– Почему к тебе?

– Тут наши дело завели, потому что она разоралась на весь участок, что людей среди бела дня убивают, а мы бездействуем. Ну, я это дело взял себе, чтобы побыстрее закрыть. Ну, так вот, мне то, что она пришла узнать, как у тебя дела, показалось странноватым. Сама понимаешь, мне ваши разборки ни к чему, вдруг это, правда, сектанты-экстримисты, а тут еще о твоих товарищах новость пришла... В общем, Вер, прости, но я ей сказал, что ты там тоже погибла?

– Я погибла? – слабо переспрашивает Венера и, кажется, она бы не устояла на ногах, если бы Саша не подхватил ее вовремя.

– Вер, – оправдывается Штраус, – ну, подумай, так они от тебя навсегда отстанут. А ты проживешь долго – примета такая есть.

– Ладно, – выдыхает она, не прощаясь, сбрасывает соединение и полностью отключает телефон. – Все хорошо. Такси уже, наверное, здесь. – Обращается она к Паршину, который все это время настороженно вслушивался в разговор.

– Ты мне не расскажешь? – спрашивает он, спускаясь.

– Не сегодня, можно? Тем более, ничего нового мне не сказали.

Венера ошиблась – такси еще нет, но ждать его придется недолго. Даже водитель замечает, что девушка не в порядке.

– Она гипотоник, – отвечает первое, что приходит на ум, Саша на вопрос таксиста о ней.

– Кто? – удивляется тот.

– Давление низкое, а в такую погоду особенно.

В машине разговор не клеится: водитель явно не в настроении болтать, Венера – тем более, и Паршин, после тщетных попыток поговорить, чтобы отвлечься от сегодняшних событий, сдается и предается размышлениям о том, что давно его интересует: почему они с Вене-

рой так привязаны друг к другу. Объяснять эту привязанность только каким-то сном было бы слишком примитивно. За этим скрывается что-то большее. Многие считают их парой, но это не так. Конечно, мысли о том, чтобы завязать отношения, как и попытки со стороны обоих, были, бывают и, скорее всего, еще будут, но они оба знают друг друга слишком хорошо, и это им мешает. Поэтому все, что они могут – это оставаться лучшими друзьями.

Саша просит водителя высадить их возле магазина, который располагается на первом этаже его дома. Выйдя, он оставляет Венеру подождать его на улице, а сам забегает внутрь что-то купить. Доктор возвращается быстро, но подруге его отсутствие все равно кажется слишком долгим, и она очень нервничает до его прихода.

– Я специально искал для тебя розовую, гламурную, – улыбается он и протягивает ей зубную щетку.

Несмотря на свою подавленность, Лерснер невольно улыбается. Они продолжают путь через тихий двор его дома, заходят в подъезд и поднимаются в его скромную, однокомнатную квартиру.

Паршин устало проходит в комнату, скинув куртку на стул. Этот день его здорово вымотал, но о том, чтобы расслабиться, еще не может идти и речи. Саша бросает на диван одну из двух подушек со своей кровати, достает из шкафа запасное одеяло и простыню. Пока он превращает диван в спальное место, Венера стоит, прислонившись плечом к стене.

– Где ты будешь спать? – спрашивает он ее.

– Мне все равно, – чуть слышно бормочет она.

– Значит на полу! Прекрати это! – прикрикивает на нее Александр, исчерпав запас галантности.

– Ладно, на диване.

– Почему не на кровати? На кровати удобней.

– Это твоя квартира, твоя кровать, – вздыхает Венера, опустив голову.

– Ну, хватит! У меня тоже терпение не резиновое! Разувайся и садись на кровать! – раздраженно говорит он подруге.

Венера так и поступает: разувшись, безвольно опускается на кровать.

– Куртку снимай, – говорит с усталым вздохом Саша и начинает стягивать с нее верхнюю одежду. Покончив с этим, он спрашивает: – Так, у тебя есть фото того Марка, который тебе сегодня звонил? Просто хочу на него посмотреть.

Венера включает телефон, не спеша находит его фото, и молча поворачивает изображение к Саше.

– Сиди тут! – приказывает он, а сам, выхватив телефон из ее руки, выходит на кухню.

Проходит не меньше десяти минут прежде, чем доктор снова появляется в комнате. К тому времени Венера уже лежит на боку, но не спит. Он садится рядом с ней, ласково гладит ее волосы и шепчет:

– Птичка, пошли, я тебя накормлю.

– Саш, я не хочу есть. Совсем.

– Хочешь, меня не обманешь. Я уверен, что кроме таблеток ты сегодня ничего не ела. Ладно, заставлять тебя не буду, просто посиди со мной, я все-таки с семи утра ничего не ел, и устал, как собака, – уговаривает ее Александр.

Он помогает Венере подняться, придерживая ее, но на кухню она идет без его поддержки, и сразу же садится за стол.

– Я вижу, тебе уже лучше, – произносит Паршин, занимая место напротив нее.

– Да, немного. Ты, умный доктор, лучше скажи, что со мной? Почему мне так плохо? Меня всю трясет! – говорит она, спрятав свой телефон, который ждал ее на столе, в карман.

– Я давно уже подозревал у тебя депрессивное расстройство, суицидальные наклонности, а тут еще такой сильный стресс, – отвечает он. – Вот ты и сорвалась. Если честно, я должен

был отвезти тебя в больницу, но не уверен, что это поможет, – он встает, наливает две тарелки борща, одну из которых отдает Венере, а с другой садится за стол. – Я сам сделаю все, чтобы привести тебя в порядок, не бойся ничего, пока я рядом.

– То есть у меня всего лишь депрессия, и это все из-за какого-то стресса? – недоверчиво переспрашивает девушка.

– У тебя депрессивное расстройство, а это серьезно. Из-за него ты и не выдержала стресса. Ешь!

– Я же сказала, что не хочу, я не ем так поздно! – уже со злобой в голосе возражает она. – По-твоему, я псих? То есть, я сошла с ума, поэтому меня трясет как при высокой температуре?!

– Съешь хотя бы немного, хотя бы мясо. Я сам варил, оцени величину таланта! – уговаривает ее Саша. – А то разозлюсь и все-таки отправлю тебя в больницу, в палату с мягкими стенами, где тебя привяжут ремнями к кровати и будут кормить через катетер! Мне ничего не стоит это сделать, тем более, учитывая твоё состояние, это мой долг.

Последняя угроза действует на девушку. Лерснер знает, что этот человек, действительно, может так поступить, если захочет, поэтому она сначала нехотя, а потом с большим аппетитом принимается за еду.

– В том, что ты псих, даже не сомневайся, – продолжает свою речь доктор. Я, кстати, тоже. Но ты не сумасшедшая. У тебя, грубо говоря, расшатаны нервы. Понимаешь, у нас с тобой есть сверхспособности, и мы можем напрямую общаться с высшими силами, но наша психика самая обычная, человеческая. Не каждый человек выдержит такой эмоциональной, психологической и информационной нагрузки, какую выдерживаем мы. Многие из нас тоже выходят из строя: один мой знакомый полностью слетел с катушек, у меня почти каждый день сильнейшие приступы мигрени, а у тебя депрессия. Это естественно! Я не смогу вылечить тебя полностью. Это невозможно, по крайней мере, в твоём случае, но я могу помочь тебе преодолеть симптомы болезни, убрать склонность к суициду, научу тебя самостоятельно предотвращать обострения, чтобы сегодняшняя история больше никогда не повторилась. Главное, доверяй мне! Сейчас тебя будет трясти, бросать то в жар, то в холод, может появиться чувство страха, апатия, агрессия. Не волнуйся, это все скоро пройдет.

Друзья доедают борщ, Александр убирает тарелки и, к удивлению Венеры, наливает две стопки водки, которую он, вероятно, также купил, по дороге домой.

– Водка? Я не пью водку! – возражает девушка, отодвигая стопку от себя.

– Извини, спирта нет, – шутит он. – Что я говорил о доверии? Пей!

Она через силу проглатывает содержимое стопки. Саша, хотя и является ярким противником крепкого алкоголя, тоже выпивает.

– Тебе, – поясняет он, – сейчас надо снять напряжение, успокоиться. Одной стопки с тебя хватит, а завтра я принесу лекарства.

– Мне лучше стало, – улыбается Венера. – Я думала депрессия – это просто плохое настроение.

– Это меланхолия – плохое настроение, а депрессия – заболевание. Спать не хочешь? – интересуется Саша строгим тоном врача.

– Хочу. А как ты догадался? Водка была со снотворным? – немного испуганно спрашивает она.

– Кстати, при таких психических нарушениях часто страдает интеллект, – улыбаясь одним уголком рта, говорит он. – Намек ясен? Во-первых, в спиртное снотворное добавлять нельзя; а во-вторых, в таком состоянии люди всегда хотят спать.

Венера бьет себя ладонью по лбу и соглашается:

– Точно! Я совсем не подумала.

– Вот-вот. Иди спать, только не занимай мой диван. И еще! – останавливает Саша подругу, которая уже встала, чтобы уйти. – Дай мне телефон своей тетушки.

Лерснер диктует номер и выходит в комнату. Через пару минут Паршин прикрывает дверь в зал, возвращается на кухню. Собравшись с мыслями, он набирает номер Вениной тетки.

С замиранием сердца Александр слушает гудки, не зная еще, что скажет и как объяснит, случившееся с подружкой.

– Алло? – надменно произносит, наконец, низкий женский голос в трубке.

– Марина Генриховна? Это Александр Паршин, – обращается он.

– А, Саша! Что случилось? – с характерным акцентом, как всегда, безразличным тоном спрашивает она.

– Вы не будете против, если Венера некоторое время поживет у меня? – мужчина не придумал ничего лучше, чем спросить напрямик.

– А что с ней? – задает Марина Генриховна вполне резонный вопрос, которого доктор, однако, не ждал.

– С ней... – запинаясь он. – С ней все в порядке, просто мы решили, что... Мы решили немного пожить вместе.

– Сашенька, я знаю свою племянницу очень хорошо, если бы она вдруг захотела жить у тебя, она, по меньшей мере, позвонила бы сама или вообще ничего бы мне не говорила! И так, я повторяю свой вопрос: что с ней случилось?

Александру приходится рассказать часть правды:

– Ей позвонили из Германии, – взвешивая каждое слово, начинает он, – сказали, что ее друзья погибли в экспедиции, в которую она тоже должна была поехать...

– О, Господи! Она в порядке? – впервые в речи Марины Генриховны появляется эмоциональная окраска.

– У нее сильный шок, я боюсь, что ее состояние может ухудшиться. Она часто замыкается в себе, а сейчас это может привести к серьезному заболеванию.

– Сашенька, если ты точно уверен в том, что сможешь помочь моей Верочке, я, конечно, не против! – умоляюще произносит женщина. – Поступай, как считаешь нужным, но об одном тебя прошу – не отправляй ее в клинику!

Саша клятвенно заверяет Марину Генриховну, что у него и в мыслях нет отправлять Венеру в больницу. Она благодарит его, обещает передать ему вещи племянницы, какие та только попросит. Еще спрашивает о возможности навестить девушку, на что доктор отвечает, что в ближайшее время это крайне нежелательно. Несмотря на то, что визит тети никак не может повредить его подружке, Александр противится этому, скрывая настоящую причину отказа – то, что он очень не хочет видеть в своей квартире Марину Генриховну, потому что недолюбливает ее и даже побаивается.

Закончив разговор, он снова возвращается в зал. Венера уже спит, и Саша, стараясь не шуметь, раздевается и ложится на неудобный диван. Время еще не позднее и он долго читает, что позволяет ему расслабиться. Отложив планшет, он тщетно пытается заснуть. Спать не дает непривычный дискомфорт, от которого постепенно начинает ныть спина, и вернувшись навязчивые мысли о трудностях прошедшего дня. Задремать ему удастся только к часу ночи, когда утомленный мозг, наконец, отключил бессвязное буйство сознания.

Глава 6

Рабочий день пятницы в городском психоневрологическом диспансере прошел в обычном режиме. Саша уже собирается уходить, когда в кабинет с объемной сумкой входит Марина Генриховна. Она снова интересуется состоянием племянницы, просит передать ей, что очень за нее переживает, и умоляет разрешить ей увидеть девушку. Александр Владимирович остается непреклонен. Но сейчас он уже не сомневается в правильности своего отказа, ведь даже он, психиатр, не знает, что ждет его дома, в каком состоянии сейчас находится Венера и уж, тем более, как она отреагирует на появление тетки. Рисковать доктор не хочет, ведь любая мелочь сейчас может вывести девушку из равновесия. Это он и объясняет Марине Генриховне.

– Ну, ладно, тебе лучше знать, – сдается она. – Давай, я хотя бы подвезу тебя.

Паршин с радостью соглашается. Марина Генриховна прекрасно водит машину и смотрит за рулем уверенно и гармонично. Доставив его прямо к подъезду, она передает ему сумку с вещами Венеры и снова благодарит за заботу. Когда она уезжает, Александр, с облегчением вздохнув, направляется к подъезду. В дороге Марина несколько раз проговорила, что они с Венерой – прекрасная пара, что вряд ли он найдет более утонченную, и изысканную девушку, какой, несомненно, является ее племянница. После такой «рекламы» Саша почти возненавидел свою подругу, но, к счастью, это прошло сразу же, как только он простился с навязчивой сводницей.

Давно не видевшая ремонта кабина лифта, покачиваясь, стуча, поднимает своего пассажира на четвертый этаж. Переступив порог квартиры, доктор чувствует приятный запах чего-то свежеприготовленного и, возможно, вкусного. Из кухни ему навстречу выбегает Венера. Она в хорошем расположении духа, но Саша прекрасно знает, что радоваться этому не стоит, ведь ее состояние очень нестабильно, и ничто не гарантирует, что она через секунду не начнет в рыданиях биться головой о стену.

– Чем так вкусно пахнет? – спрашивает он, поприветствовав ее улыбкой.

– Я приготовила обед, мы же вчера суп съели.

– Не суп, а борщ – это большая разница. Как ты себя чувствуешь?

Венера мнетя, но отвечает:

– Как-то странно. Как в космосе.

– Я не был в космосе. Не грустишь, но тревога есть? – помогает ей с ответами Саша.

– Да, точно.

– Хочется чего-то мягкого, теплого, домашнего? Хочется плакать? Не хочешь видеть посторонних? – продолжает он.

– Про мягкое и теплое – верно, плакать... – она задумывается, вспоминая день, – временами. Тебя я очень рада видеть, но больше никого.

– Тебе Марина Генриховна передала вещи. Она хочет на тебя посмотреть, узнать, как ты дошла до жизни такой.

Александр уже знает ответ Венеры, но ему важно, чтобы именно она сказала, что не хочет видеть тетку, тогда его совесть будет чиста.

– Не-не-не, ее тут только не хватало!

– Почти так я ей и сказал, – он подмигивает подруге. – Давай, корми меня скорее. Да! Я принес тебе лекарства, как обещал.

Переодевшись, Паршин идет на кухню, где Венера уже накрывает на стол. Она ставит перед ним тарелку с каким-то красным супом.

– Что это? – с разочарованием спрашивает Саша.

– Это что-то вроде солянки. Ешь, не бойся, я сама рецепт придумала утром.

Осторожно попробовав неизвестное блюдо без названия, которое все же оказалось неплохим на вкус, он произносит:

– Приятно узнать, что ты умеешь готовить. Тот, кто на тебе женится, будет все же не так несчастен, как я думал раньше.

– Нет-нет, – Лерснер, шутя, опровергает догадку друга, – я превращу жизнь презренного в настоящий ад!

– Кто бы сомневался, ты же суккуб³, – усмехается он.

– Сам ты инкуб⁴!

– А я и не отрицаю, – не обижаясь, довольно и, даже с гордостью, произносит Саша.

– Самовлюбленный инкуб, если быть точнее, – подмигивает она ему в ответ.

Паршин, после ее слов, откидывается на спинку своего стула и бегло осматривает себя.

– Так ведь есть во что влюбиться! Не правда ли?! – Он нежно берет руку девушки и, заглянув в глаза, начинает гладить тыльную сторону ее ладони.

– Маньяк! – Смеясь, она выдергивает свою ладонь из его рук.

Между тем, обед закончен, посуда совместными усилиями помыта, и друзья перемещаются в комнату. Как бы хорошо не было Лерснер у друга, она все равно не может поверить, что ее общество так же приятно Паршину, как и ей – его. Мысль о том, что она является обузой, терзает девушку с утра.

– Саш, мне кажется, что я тебе мешаю. Все-таки ты привык жить один, – говорит она, чувствуя надвигающуюся печаль.

– Что ты?! Мне так одиноко после гибели хомячка, – шутит доктор в ответ, игнорируя ее грустный тон.

– А от чего... Вернее, так: чем ты его заморил?

– Ничем. Он прожил насыщенную, счастливую жизнь и умер в глубокой хомячьей старости.

Паршин облакачивается на спинку дивана и закрывает глаза – это его любимый и самый быстрый способ расслабиться после напряженной работы. Девушка, ссутулившись, присаживается рядом.

– Через час я дам тебе лекарства, – не открывая глаз, сообщает он. – Они не сильные, но все-таки нужны тебе. Главное...

– Саш, послушай! – эмоционально перебивает его подруга. – Я сегодня вспомнила, что Страус говорил, что та коза про меня спрашивала, а он ей сказал, что я тоже умерла при обвале!

– Ты бредишь? – взглянув на нее лениво приоткрытым глазом, спрашивает он.

– Муж моей двоюродной сестры, Дени Штраус, работает в тамошней полиции – типичный мент, но неплохой человек. Он мне вчера звонил при тебе и сказал, что женщина, которая за мной следила, спрашивала у него обо мне, и он сказал ей, что я тоже погибла при обвале вместе с остальной группой.

– Зачем?

– Чтобы отстала, наверное. – Воспоминания о звонке Штрауса повлекли за собой воспоминания и о звонке Марка. Слезы тут же хлынули из ее глаз и ей почему-то захотелось во что бы то ни стало оправдаться: – А Марк, он же не прав... Я же не виновата...

Саша крепко обнимает подругу и целует ее голову.

– Верочка, успокойся, моя хорошая, он больше никогда тебя не обидит, его больше нет, – не сдержавшись, бросает он.

– Почему? – удивляется девушка, не понимая сразу, что тот имеет в виду.

³ Демон в женском облике, соблазняющий мужчин и забирающий их жизненную силу.

⁴ Демон-мужчина, соблазняющий женщин.

– А что ты думаешь, я только трепаться могу?! Или это нормально, что тебя каждый выродок может унижать?! Между прочим, если с тобой что-то случится – спросят с меня! – раздраженно отвечает он, выпуская ее из объятий и снова откидываясь на спинку дивана.

– Что ты сделал? Но ты же не мог?.. Вот для чего ты просил его фото?!

Александр нервно вздыхает, в мыслях ругая себя за то, что не смог держать язык за зубами.

– Вера, я много чего могу! Да, вот такой я плохой! Ты бы видела себя вчера!

– Мне просто страшно. Не оставляй меня.

Паршин приобнимает ее одной рукой и прижимает к себе.

– Саня, не обижайся, – продолжает она. – Просто для меня как-то многовато шокирующих новостей. Я вообще хотела сказать о другом: если в «Седьмой Атлантиде» считают, что я умерла, то значит они больше для меня не опасны?

– А ведь, правда! Была бы у нас их база, ведь они наверняка хранят информацию о тех, кого нашли, в электронном виде! Придумать бы, как ее заполучить.

Кажется, Александр полностью погрузился в раздумья, отрешившись от всего. Предчувствие говорит ему, что опасность еще не миновала, и по ощущениям все только начинается. Требуется разработать такой план, чтобы обезопасить себе подобных от действий этой организации. Также не мешало бы понять, чего и почему стоит ожидать им от этого центра. И вот, наконец, в его голове складывается более-менее целостная картина.

– Есть у меня одна неплохая идея. Если все получится, то я – гений! – произносит он и, ничего не объясняя, направляется к компьютеру, стоящему на столе возле окна.

– Гений непризнанный, что за идея?!

– У них, у этих «седьмых атлантов», я уверен, есть специальная база, куда они заносят сведения о нас. Я думаю, эта база находится где-то на их сайте... только доступ к ней ограничен.

– Откуда ты знаешь?! И какой идиот будет размещать базу на сайте?!

– Знаю, я же гений! Хранить базу в интернете безопасней и удобней, чем ты думаешь. Кстати, говорят, даже многие базы Пентагона хранятся таким образом. Мы взломаем сайт...

– Мы взломаем сайт?! – не сдержавшись, вскрикивает девушка. – Как?! В жизни ничего глупее не слышала!

– Мы попросим кое-кого, кто живет достаточно далеко и умеет это делать...

– Добрую фею?

– Неуместная ирония, но гении и такое терпят. Таких людей как ты и я в мире достаточно много, и все они понимают важность нашего объединения. Только я один нашел больше сотни человек по всему миру, а скольких мы еще не знаем! Из всех нам точно поможет Джеймс, он из Ирландии. Тот еще хакер! – сообщает Паршин, одновременно что-то печатая. – Ему всего девятнадцать, но он уже тоже гений в своем роде... конечно, до меня ему далеко...

– Пряма, тайная масонская ложа! – недовольно усмехается Венера.

– Теперь неуместная аналогия, мы гораздо круче. А еще, нас невозможно вычислить.

– Однако вычислили! И вычислили без особого труда!

– Нас может распознать только кто-то, такой же, как мы. Узнаю, кто это – ему не поздоровится! По слухам, они погубили нескольких наших ребят. Но два великих гения обязательно во всем разберутся.

– Не сомневаюсь! Что ты задумал, Ваше Гениальное Высочество?

– Я написал ему, с какой проблемой мы столкнулись.

Александр проверяет ошибки и отправляет сообщение.

– Подожди, подожди... – повторяет он молчащей Венере.

Минуты через две приходит ответ – небольшой текст. Читает его Саша очень внимательно, пытаясь понять смысл английских слов, а прочитав, довольно шепчет о том, что он гений, и обнимает за талию стоящую рядом подругу.

– Ну, так просвети меня, гений, и отклейся от меня, паразит! – возмущается она, отталкивая его. – Что там пишет твой леприкон?

– Как я уже сказал, – начинает он, выпустив ее из рук, – наш ирландский юный друг – настоящий гений информатики. Он взламывает их сайт и передаст нам базу, а мы так узнаем, что эти «атланты» знают про тебя! Я гений или, как ты говоришь, паразит?

– Пф-ф, дурдом! Мне-то что от этого? Я не начинала эту войну, и мне достаточно того, что они от меня теперь отстанут. Я не хочу ни во что ввязываться. Ты что не наигрался в детстве в шпионов?

– Вер, они опасны для таких как мы. Они хотели убить тебя – ты сама это увидела. Как тебе может быть все равно, ведь они убьют любого из нас, если найдут?

– Я свое слово сказала. Если кому-то из наших нужна моя помощь – я помогу, но лезть на рожон не собираюсь. Когда он пришлет базу? – Венера говорит очень серьезно, что для нее совершенно нетипично. Паршину даже становится не по себе от ее тона.

– Обещал завтра. Прими лекарство, а я хочу отдохнуть. У тебя сейчас должен быть спад настроения, не бойся этого, не переживай, это нормально, и держи себя в руках. Если станет совсем плохо, выпьешь вот это лекарство. – Саша указал ей на прозрачный пузырек с белыми таблетками.

Венера сначала не верит, но все происходит именно так, как он говорил: ее постепенно накрывает волна отчаяния и страха, а мысли и воспоминания душат. Возникает почти забытое, но знакомое до дрожи сильное странное чувство безумной тоски; как будто когда-то давно она потеряла кого-то очень дорогого, и с тех пор ее жизнь не имеет никакого смысла. Когда все катится к чертям и накатывает печаль, она часто думает об этом незнакомце, иногда даже придумывая ему внешность и историю. Ее одержимость неизвестным человеком проникала даже в ее сны, и тогда она обещала найти его, где бы он ни был, а он уверял ее, что всегда находится рядом с ней. Но сейчас чувства потери и безысходности полностью обесценивают все ее существование. Собственная жизнь кажется ей настолько никчемной, что она злится на Паршину за то, что он спас ее вчера. От своего бессилия девушка нервно стискивает зубы и прячет лицо за ладонями, крепко сжатыми в кулаки.

Александр, разумеется, замечает, что состояние подруги ухудшилось. Он, как врач, понимает, что примерно творится у нее на душе. Заставив ее выпить необходимое лекарство, Саша убеждает ее лечь на кровать и ждет, когда она уснет, чтобы самому хоть немного отдохнуть от решения чужих проблем.

В субботу около половины шестого вечера приходит сообщение от Джеймса. Кроме полностью скопированной базы данных, и вообще всей информации, которая размещалась на внутреннем сайте «Седьмой Атлантиды», юноша сообщил, что немного поработал над их сайтом. Да так, что восстановить его им будет довольно сложно.

Поблагодарив далекого друга, Паршин бегло просматривает присланную базу. Информации немного, но, несмотря на это, вся она систематизирована. Первыми открываются данные какой-то восьмилетней девочки из Мурманска. Он обращает внимание, насколько грамотно составлено досье: полное имя, дата рождения, фотография, место жительства, способности и прочие особенности, где указываются нестандартные качества личности. Усмехнувшись про себя, Александр вводит в поле «Найти» фамилию подруги, и на экране сразу же появляется досье на девушку.

– О, Боже! Кто это! – стонет она, увидев вместо фотографии нарисованный карандашом портрет.

Есть чему удивиться, ведь изображение несколько не соответствует реальной внешности Венеры. Вытянутое лицо, тонкие губы, длинный и узкий нос, большие раскосые «кошачьи» глаза превращают портрет в сюрреалистичное подобие человека. Под рисунком красуется подпись:

«Вера Лерснер. По описанию С. В. Долгих».

– Нет, – присмотревшись, возражает Саша, – нарисовано хорошо... и хорошо, что хорошо нарисован инопланетянин, а не ты.

– Не спорю...

– А еще, обрати внимание, что они называют тебя везде здесь «Вера Лерснер», то есть не знают твоего настоящего имени, – многозначительно произносит Паршин. – Что тут еще пишут?.. «...обнаружена Леонидом Старостиним» – это еще кто?!

– Это тот, кого я убила.

– Не говори так больше! Здесь еще пишут, что ты вела переписку с каким-то Игорем Воробьевым. Кто это?

– Это паренек из Твери. Один из наших. Я с ним познакомилась на языческом форуме. Ты думаешь, что он связан с ними?

– Как можно знакомиться с кем попало, на каких-то идиотских сектантских форумах?! Ты не подумала, что он мог быть приманкой? С этого момента забудь про форумы! – раздраженно бросает Александр. – Слушай дальше, что пишут: «Крайне опасна, способна силой мысли убить человека. При попытке вступить с ней в контакт погиб маг Леонид Старостин».

– Но я его не силой мысли убила! Я вообще не знаю, что это было! Это он на меня с ножом напал! – обиженно протестует Венера. – Я защищалась!

– Тихо-тихо, я знаю, – успокаивает он ее и продолжает: – «Вера Лерснер погибла восьмого апреля». – Мужчина довольно стучит пальцами по столу. – Да! Они не знают, что ты жива! А еще они потратят уйму времени на создание нового сайта. Джеймс – гений!

Венера задумывается, чувствуя что-то неестественное, неправильное в своих ощущениях.

– Человек погиб из-за меня, а я ничего не чувствую, – говорит она, догадавшись, что именно ее беспокоит. – У него, возможно, осталась семья, а мне все равно; моих друзей заваляло в пещере, это были близкие мне люди, и мне безразлично! Я, наверное, очень плохой человек, да?

– А из-за меня погиб твой Марк.

– Я звонила в Гамбург. Марк попал в аварию, но остался жив. Так что твоя совесть чиста.

– Черт! Наверное, я тогда слишком устал и перенервничал. Кстати, как ты считаешь, этот Старостин думал о твоей семье, когда напал на тебя с ножом? И не ты ли оказалась после его нападения в больнице без сознания? – Саша встает и обнимает ее. – Птенчик мой, ты нормальный человек, ты просто нездорова. Ты не к людям безразлична, ты безразлична ко всему происходящему, даже к себе, потому что жизнь не имеет для тебя смысла, твоя жизнь – это вакуум, который тебе нечем заполнить. Но ты отгораживаешься от всего, что может нарушить твою пустоту. Ты уже почти год в таком состоянии, но сама не замечала этого до срыва. Вспомни, когда мы познакомились, ты была таким живым, веселым солнышком, а сейчас словно потухла. Может, сны тебя так вымотали или еще что-то. Я не знаю точно, в чем причина твоего теперешнего состояния, но обещаю сделать все, чтобы вернуть тебя прежнюю.

– Проверь Игоря, – сухо просит девушка.

– О'кей! – Паршин возвращается к монитору и быстро набирает нужное имя. – Итак... «Вел активную переписку с Маратом Бекетовым, вплоть до его смерти. Сейчас его местоположение неизвестно». Они страницы в социальных сетях взламывают что ли?

– Пора переходить на голубиную почту.

– Это точно. Видишь, я был прав насчет соцсетей. Итак, Марат. Восемнадцать лет. «Согласился на исследование своих способностей в центре „Седьмая Атлантида“. После глубокого регрессивного гипноза с изгнанием чужеродной сущности... Покончил с собой». Покончил с собой?

Венера, удивленно вскинув брови, смотрит на Паршина, который еще раз про себя повторяет этот текст, стараясь его понять.

– Вот твари! – восклицает он, догадываясь что произошло. – Гипнотизеры хреновы! Понимаешь, Вер, психика человека как точный механизм со множеством винтиков и шестеренок, и к этому механизму нельзя допускать придурка с кувалдой! Только опытного настройщика! Не каждый специалист решится применять глубокий гипноз даже в терапевтических целях, потому что риск навредить очень велик. Вот например, ты вполне успешно практикуешь, что-то вроде, «цыганского» гипноза – мелочь, но результат очень впечатляет. Ты заставляешь человека поверить в иную реальность, иные обстоятельства, но сам человек при этом остается собой. Он может поменять свое решение или действовать согласно твоим указаниям, но его личность не меняется. В глубоком гипнозе одно неосторожное слово – и человек уже никогда не будет прежним. Эти «седьмые атланты» внушают таким как мы то, что в нас присутствует какая-то другая сущность...

– Они и мне говорили, что мной завладели силы зла. Но как они находят именно нас, и почему?

– Думаю, они выбрали случайным образом одного из нас. Он под гипнозом рассказал все, что знал о том, кто мы такие. Дальше, «атланты» додумали остальное, приплели к этому религиозные догмы времен инквизиции, и по наводке того одного стали искать остальных. Мы, наверное, чем-то отличаемся от большинства смертных, раз они периодически кого-то находят.

Венера вспоминает последние события, произошедшие с ней в Гамбурге. Как из всех людей, проходящих мимо китайской лавки, Старостин заметил именно ее? Ведь он появлялся всегда так неожиданно, словно выскакивал как черт из табакерки, сбивал с толку, на ломаном немецком предлагал какие-то книги. Вероятно подслушав разговор Лерснер, он стал обращаться к ней только по-русски. Обложки книг были яркие. Венера даже запомнила одно из названий – «Созидание эгрегора самопознания». Такой он был навязчивый, назойливый... и странно, что Татьяна, живя напротив, ни разу его не видела! Возможно, мы замечаем и запоминаем только тех людей, которые способны оказать влияние на нашу собственную судьбу? Такую теорию она слышала не единожды, но не предполагала, что ей предстоит ее проверить на себе.

– Смотри-ка, еще одно самоубийство! – возвращает ее к реальности Сашин голос. – Эмма Сапина. Москва. Четырнадцать лет.

– Совсем ребенок.

– Она переписывалась с Маратом. Вер, считаю, что мы не должны это прощать. Их надо остановить.

– Как? У нас нет доказательств, что они кого-то довели до самоубийства, нас и слушать не станут. К тому же это международная организация, а по факту нас только двое.

– Нас легион, и имя нам Легион, – словно напев произносит доктор.

– Олеська бы сказала, что мы слишком расквартированный легион, не способный к быстрой мобилизации. Реальность такова, что нас двое. Ну, может быть, Бондари и Левицкий нас поддержат, но впятером мы тоже ничего не сможем.

– Мы попытаемся. Я чувствую, что они не так могущественны, как ты думаешь. Скорее всего, они открыли представительство в Германии, когда кто-то из переселенцев увлекся их учением. Ты читала их историю на сайте? – Девушка отрицательно качает головой, и Саша поясняет: – Они начали с того, что открыли свой центр в Москве. Уже через год их фили-

алы появились еще в нескольких крупных городах. Как правило, под эти филиалы отводились обычные квартиры. В Германии у них представительство открылось совсем недавно, и тоже как-то полулегально. Судя по фотографиям, они там тоже в какой-то квартире собираются.

– И именно в Гамбурге?

– Ага. О представительствах в других городах ничего не сказано. Будь они – «атланты» бы ими похвастались. Мы справимся. Нам объявили войну, и мы должны защитить себя, Вера. Я думаю, нам стоит посоветоваться по этим вопросам с Лисицей.

– А она, разве, гений военного дела?

– По ее словам... – отвечает Паршин, набирая нужный номер.

– Хотя юмор у нее, правда, солдатский, – добавляет Лерснер.

Практически сразу, после второго гудка, на звонок отвечает Илья. Выслушав долгий рассказ о злключениях Венеры, об ирландском хакере и базе данных, о действиях эзотерического центра «Седьмая Атлантида», Илья тяжело выдыхает:

– Чувак, я тебя не совсем понял, вернее, совсем не понял. Сейчас жену позову, объясни ей то же самое, ей это, наверное, будет интересно. Лисица!

– Да? – звучит после шуршания строгий женский голос.

Услышав Олесю, которую Илья любовно называет Лисицей, Саша, уже начиная злиться, снова пересказывает всю историю от начала до конца.

– Всё очевидно! – вполне спокойно говорит она, дослушав рассказ до слов «И что нам теперь делать, есть идеи?» – Начинаем партизанскую войну с целью деморализации и дестабилизации сил противника. Детали предлагаю обсудить завтра с утра у нас.

– Эммм... Подожди, сначала переведи все, что ты сказала на понятный язык!

– I propose to discuss all tomorrow⁵, – издевается Лисица.

– Да не это! Что ты имеешь в виду под деморализацией и дестабилизацией?

– Деструктуризацию, – без намека на иронию, отвечает она. Услышав в трубке что-то невнятное: не то рычание, не то стон, Олеся все-таки поясняет: – Да Господи! Запугаем мы их! Предчувствие неизвестной опасности, в конечном итоге, может привести даже к распаду их организации. Я сегодня еще подумаю, а завтра мы все решим! Понятно?!

– Понятно, ты подумаешь, а мы решим.

– Именно так!

Не прощаясь, Олеся отключается. Немного расстроившись, Александр передает Лерснер суть разговора, добавив, что он уже жалеет и считает, что обратился за советом совсем не к тому человеку. Но Венере все равно, что решил Паршин; ей все равно, что они ввязываются в более чем сомнительную борьбу; все равно, кто, как и зачем покончил с собой. Ее мысли далеки от этой реальности, и она снова чувствует нехватку кого-то очень близкого, кого не существует в этом мире.

⁵ Я предлагаю обсудить все завтра

Глава 7

Утро воскресенья плавно перетекает в день, а в квартиру к супругам Бондарь входят Венера и Александр. Дверь друзьям открывает Илья, он приглашает их в зал, а сам идет готовить кофе. В комнате царит беспорядок: повсюду разбросана скомканная одежда и белье, на грязном полу валяется несколько книг. В зале возле стены стоит обеденный стол, на котором кроме пустых пивных бутылок, двух, полных окурков, пепельниц и нескольких оплавленных черных свечей, находится новый, достаточно дорогой ноутбук.

Возле окна перед импровизированным мольбертом, который представляет собой стул, установленный на журнальный столик, стоит сама молодая хозяйка квартиры. Олеся обладает приятной внешностью: огненно-рыжая, зеленоглазая, с забавными веснушками, умеренной и гармоничной полноты. Она кажется такой естественной, милой, домашней, солнечной, что все, кто сталкивается с нею, не могут представить, что эта девушка умеет быть злой или печальной. Ее легкость и непосредственность не оставили равнодушным Илью, а он не оставил равнодушной ее – так и появилась новая, молодая семья. Все внимание Олеси приковано к холсту, не отрывая глаз от своей картины, она подносит к губам невысокий стакан из толстого стекла с интенсивно зеленой жидкостью.

– Абсент?! – в один голос удивленно восклицают Паршин и Лерснер.

Их совершенно не смутило бы, если бы Лисица пила в это утро напиток декадентов, ведь в данный момент окружающая обстановка только способствует формированию такого мнения.

– Тархун, – отвечает вошедший в комнату Илья. – Хотите? Кто пьет абсент с утра?

– Нет, спасибо. А что у вас за погром? – спрашивает Саша, указывая на беспорядок.

– У нас медовый месяц, – монотонно, не глядя в его сторону, объясняет Олеся.

– Свадьба была в январе, сейчас апрель, а у вас до сих пор медовый месяц? – удивляется он, но Лисица не отвечает.

Венера, осторожно проходит по разбросанной одежде между диваном и гладильной доской к художнице и, положив локоть ей на плечо, с видом знатока искусства осматривает полотно.

– Ну как? – спрашивает Олеся.

– Кузен Уильям. Я узнаю его благородный профиль. А какой пронзительный взгляд! – произносит Лерснер, не улыбаясь, с напускной серьезностью и наигранным восхищением.

– Я, конечно, понимаю, что семейка Адамс тебе особенно близка по духу, я даже не исключаю, что вы родственники, но все-таки?

– Я думаю, сочетание зеленых оттенков в этой кляксе говорит о тщетности бытия и примитивности «общества потребления», также угадывается явный протест и политическая сатира. А еще я «Приору» такого цвета видела, когда мы к вам ехали.

– Все сказала? – тяжело вздыхает Лисица. – Я припомню тебе это, когда стану великой художницей! Это дерево, а не клякса! А, может быть, куст – я еще не решила, но это мой первый пейзаж и он будет супер!

– Я, конечно, бездарь, – усмехается Лерснер, – но, по-моему, ты свой пейзаж не с того начала. Как насчет линии горизонта хотя бы?

– Горизонта тут видно не будет за другими какими-нибудь объектами, которые я потом дорисую! Тебе только бы критиковать!

Илья ставит на край стола четыре чашки кофе на подносе. Лисица отрывается от своей странной картины и идет к нему, а Венера еще с минуту стоит на месте, пытаясь разглядеть в зеленой магне признаки дерева или куста.

Александр без объяснений протягивает Илье флешку, куда предварительно скопировал информацию из базы.

Стоило Венере подойти к столу, как Олеся отпускает в ее адрес весьма сомнительный комплимент:

– А ты что еще похудела? Извини, но это уже перебор: ты тощая и бледная, как будто в подвале, где тебя держали последние пару лет, месяц назад перегорела лампочка.

– Иными словами: ты восхищена моим изящным станом и фарфоровой белизной кожи? – усмехается та.

– Если мишура красивых слов тебя утешит, то можешь считать так.

Саша, тем временем, открывает полученную базу. Илья и Олеся заморожено смотрят в монитор, а Лерснер снова окидывает взглядом беспорядок. Ее внимание привлекает книга в аккуратном переплете. Наклонившись, она поднимает ее. Прочитав название, «Махабхарата», девушка бросает недоуменный взгляд на хозяев квартиры.

«Ни за что не поверю, что они это читали», – подумалось ей в тот момент.

Тем временем Саша заканчивает рассказ об особенностях базы данных и открывает досье подруги.

– Сама рисовала? – язвит Олеся, указывая подруге на ее неудачный портрет.

В ответ на это Венера молча замахивается на нее книгой.

– Какую неуместную и бездарную лесть они о ней написали: «На вид около двадцати лет...» – комментируя досье, не унимается Лисица. – Она все равно не ударит меня книгой со священным текстом. Для нее это табу.

– Ты же все равно ее не читала! – хитро улыбается Венера, одновременно раздумывая, на основе чего горе-художница сделала последний вывод.

– Но ты-то наверняка читала, – предполагает Олеся.

– Во-первых, с чего бы мне ее читать, когда я никакого отношения к индуизму и его производным не имею; а, во-вторых, мне все равно, чем доказывать свою правоту, пусть даже личной «Книгой теней» самого Джеральда Гарднера!

Перепалка заканчивается перемирием.

Друзья быстро просматривают все двадцать три досье из базы, большинство из которых содержат только имя и фамилию.

– Тех, кто им попался, я имею в виду, про кого они больше узнали, по идее, должно что-то объединять, – предполагает Олеся.

– Ну, с Веркой-то все понятно – карма. Она же фашистка, – тут же выдает Илья и получает несильный, но осязаемый удар книгой по затылку.

– Придурок! Про меня у них информации почти нет, разве что, фамилия и сокращенный вариант имени. Я считаю, что этих ребят объединяет возраст, – говорит Лерснер. – Молодежь наивна и легко может попасться на провокации, или родители могут привести ребенка к экстрасенсам, заметив, что их чадо отличают необычные способности...

– Или если решат, что в их семье появился герой фильма «Омен», – перебивает ее Олеся.

– Вот именно! Меня тоже в свое время по бабкам таскали, – добавляет Саша. – Возможно, что родители преследуют исключительно благие цели, но никто не может поручиться за экстрасенса.

– По бабкам?! И чем заканчивались эти визиты? – удивленно спрашивает Лисица. – Криком бабки: «Заберите это дьявольское отродье»? – Предположение хозяйки квартиры вызывает общий смех, но сама она задумывается. – Послушайте, я что-то не улавливаю: они ищут всяких необычных людей, наших или нет, каким-то образом доводят их до самоубийства и продолжают искать дальше? – говорит она, когда веселье стихает. – Неужели, они считают все это нормальным? Первой им попалась эта девочка, Эмма. Ну, предположим, что ее родители заметили за ней какие-либо странности, но что могло натолкнуть их на мысль об одержимости дочери? – продолжает она.

– Сны? – в один голос произносят Венера и Илья.

– Да, это не лишено смысла: она рассказала о своих снах, а они, действительно, наводят на мысль об одержимости, – рассуждает Лисица. – Итак, заметив странности за дочерью, родители обращаются в центр «Седьмая Атлантида». Почему именно туда, разве в Москве некуда обратиться?

– Ну, этого узнать мы не сможем. Может, посоветовал кто-нибудь или «купились» на рекламу, или вообще случайно, – предполагает Илья.

– Ладно, родители просто обратились в «Седьмую Атлантиду», – продолжает она. – Но почему эти Сапина и Бекетов покончили с собой?! В муки совести из-за того, что они «заложили» своих соратников, я не верю и сомневаюсь, что это им внушили под гипнозом.

– Послушай, Лесь, – вздрогнув, произносит Лерснер, в голове которой промелькнула догадка, – я приехала сюда после сна, в котором Учитель предлагал мне умереть за него!

– И ты?! – с ужасом спрашивает та.

– Я отказалась, но Сашка мне сказал, что ему, например, снилось то же самое, но с разъяснением!

– И нам такое снилось, и тоже с разъяснением, – произносит Илья.

– Да, – подхватывает Лисица, – нам объяснили, что происходит, своего рода, чистка рядов, что убирают... бесполезных.

– Вот видите, – продолжает Венера, – я отказалась и меня, можно сказать, заставили уехать из страны, потому что с одной стороны мне предстояла экспедиция, в которой никто не выжил, а с другой – меня разыскивали «атланты»! Может быть, эти ребята согласились умереть, и впоследствии им просто внушили мысль о суициде?

– Вы правы, сержант, – соглашается Олеся. – В таком случае «Седьмая Атлантида» – всего лишь инструмент регулирования, «санитары леса». Но с другой стороны, к ним попадали уже обреченные люди. Меня во всей этой ситуации пугает то, что они невольно выдают других. Если это продолжится, то всем нам придется скрываться как этому вашему Игорю, или как Верке.

– Не то слово! – отзывается та, вспоминая, как спешно ей пришлось выехать из Германии. – Они бы не отстали от меня, если бы знали, что я жива, особенно после случая с тем мужиком, который мне угрожал.

– Теперь о стратегии, – продолжает Олеся. – Я уже говорила, что нам надо запугать врага...

– Это мы сможем, – произносит Саша.

– Нет, не сможем! Дослушай умную женщину, курсант! Мы – организаторы партизанского движения, а значит, мы должны оставаться в тени! Тем более что есть юные рекруты...

– Кто?! – перебивает ее Венера. – Говори по-человечески, ты не имеешь никакого отношения к армии, поэтому постарайся обойтись без рекрутов и драгунов!

– А ты уверена, что не имею? – гордо переспрашивает Лисица.

– Да!

– Тогда, ладно, – покорно соглашается она с требованиями подруги. – Итак, в Москве у нас есть несколько человек, которые могут помочь. Они сделают все так, как надо! Кроме того, по крайней мере, один из них может создавать им и разные административные проблемы в силу своего положения. У нас нет цели всерьез навредить им. За такое нас и самих накажут, поэтому мы можем им только мешать. Эти наши ребята точно отобьют у «атлантов» желание охотиться на нам подобных.

– Ты хочешь сказать, что они могут запугать их, не вступая с ними в контакт? – спрашивает Паршин. – Они такие, как мы?

– Да, – отвечает за жену Илья. – Они могут многое, тем более мы им поможем, скажем, что и как делать.

– А я их знаю? – Доктора явно задевает то, что Илья и Олеся создали, по его мнению, какой-то узкий круг друзей втайне от него.

– Конечно, знаешь! – развеивает Олеся его опасения. – Это наши московские братья.

– А! Как раз от них-то я и узнал про «Седьмую Атлантиду», – успокоившись, произносит Саша.

– Что за московские братья? – удивляется теперь Венера.

– Борис, Серега и Сашка Малёк.

– Все трое Мальки?

– Нет, Борис – Палеев, а Серега – Тараскин, – поясняет Олеся. – Вообще-то, они не братья, это я их так называю.

– Я еще предлагаю укрепить убежденность «атлантов» в гибели Веры, – подумав, предлагает Илья. – Пусть наши рекруты, – сделав акцент на слове «рекруты», он подмигивает Венере, – в своих угрозах упомянут и о ней, только пусть называют ее именно «Верой». Ну, скажут что-то вроде: «Из-за вас, душегубы, такая хорошая юная красавица погибла!»

– Хорошая идея, – кивает ему Саша.

– По-моему, сектантам необязательно знать, что все их страхи и проблемы произведены нами, – осаждаст их Лерснер. – Лишнее бравирование ни к чему хорошему не приведет. Не знаю, какие у вас представления о партизанских войнах, но, я считаю, что хороший партизан – это неизвестный партизан.

– Угу, или мертвый, как говаривали твои соотечественники, – недовольно взглянув на нее, говорит Илья. – Мнение немцев в партизанских делах не учитывается.

Обидевшись на него, девушка отходит в сторону. Разговоров по делу больше не возникает, а пустая болтовня, пропитанная впечатлениями от предстоящего противостояния «Седьмой Атлантиде», уже не несет в себе ни грамма полезной информации. В квартире постепенно начинается воцаряться хаос: Олеся пытается отстукивать пальцами по столу ритм Интернационала, Илья что-то ищет в своем ноутбуке, Венера вернулась к созерцанию незаконченной картины, а Александр легонько пинает ногой найденный на полу силиконовый мяч-прыгун.

– Ах ты, зараза! Отойди от моего шедевра! – внезапно кричит Олеся на свою гостью, заметив, что та пытается добавить к картине несколько штрихов от себя.

Венера смеется и подходит к Саше. План действий, предложенный Лисицей, Паршину не особенно нравится, но своих идей по этому поводу у него не возникает. Он знает, что Лерснер тоже не уверена в успехе предприятия, но рассчитывать на ее поддержку было бы нелепо, ведь она с самого начала избрала нейтральную позицию.

Проводить воскресенье среди шума и беспорядка в квартире молодой семьи Бондарей друзьям не хочется. Наскоро попрощавшись, они выходят на остановку, чтобы, дождаввшись своего автобуса, уехать. День выдался солнечным и теплым, еще на остановке Венера предлагает, не заходить в квартиру, а пройти мимо дома, спуститься к реке и побродить по аккуратной аллее на берегу. Саша поддерживает идею прогулки, и, приехав, друзья сразу же направляются к водоему. Атмосфера в квартире Ильи и Олеси, возможно из-за грязи и беспорядка, очень тяжелая, а прогулка, тем более, возле воды успокаивает нервы.

Глава 8

День клонится к вечеру, а Венера и Александр все еще бродят по аллеям на берегу реки. Время вдвоем пролетело совершенно незаметно. Между ними идет тихий, дружеский разговор, иногда сменяясь молчанием. Вот, под ступню Венеры попадает некрупный, камень. Девушка спотыкается и, чертыхаясь, задерживает на нем взгляд. Она была уверена, что ставила ногу на ровный асфальт, как она могла не заметить этот бурый камушек, который, наверняка, виден даже издалека. В задумчивости она поднимает его и рассматривает. Исследовав за свою жизнь немало пещер, она без труда определяет его природу – это кусок железной руды. Обилие таких камней должно было быть в том районе, где погибла ее группа, а здесь они в диковинку. От этой ассоциации ей становится не по себе, а вскоре в душе Лерснер вспыхивает необъяснимый страх. Соправиться с ним девушка не находит сил, и он быстро переходит в настоящую панику. Венере хочется бежать прочь, сломя голову, отсюда, от Александра. Ей кажется, что причина этого приступа ужаса заключается именно в нем. Постепенно ее бессмысленное отчаяние обретает форму и структуру. Теперь ей ясно представляется, что Саша уже не друг ей, что он уже не раз жестоко предавал ее, и предаст снова, что он уже спланировал, как расправиться с ней.

– Ты!.. – побледнев, слабо произносит она. – Ты!.. – повторяет девушка, отступив шаг назад.

– Что с тобой, Вер? – спрашивает Паршин, не понимая, что могло так внезапно напугать его подругу.

– Что ты сделаешь со мной?! – чуть слышно шепчет Лерснер и, сделав еще пару шагов назад, упирается спиной в бетонное ограждение.

– Ничего я не собираюсь с тобой делать, – удивляется он. – А что должен? Прекращай, это не смешно уже!

Венера смотрит в сторону, вдоль аллеи, и замечает знакомый черный силуэт мужчины. В ту же секунду миллионы звуков обрушиваются на девушку. Сквозь гул, свист и звон она отчетливо слышит бешеное биение своего сердца. Инстинктивно она тянет рукой ворот свитера, словно ей не хватает воздуха. Заметив, что обычный дневной свет немного померк, Венера смотрит на небо, которое теперь постепенно приобретает странный грязно-розовый оттенок. Девушка переводит взгляд на своего друга и даже вскрикивает от ужаса – на лице Александра словно застыла неестественная глупая ухмылка. В голове Венеры мелькают странные мысли:

«Он же вообще ничего не соображает! Он же большой психопат, чем кто-либо!»

Все еще не понимая, что происходит с подругой, Саша, выражение лица которого, к слову, никогда не было таким, каким оно в данный момент, представляется Венере, попытался осторожно дотронуться до нее. Девушка, вскрикнув, бросается в сторону, к воде. Ее видение продолжается, окрашивая волны реки в кроваво-красный цвет. Не веря своим глазам, она подходит к кованной ограде. Лерснер закрывает рот рукой, чтобы не закричать, когда замечает, как скатываясь с бетонного откоса, волны оставляют кровавый след. Чувствуя неприятный, дурманящий запах крови, она падает в обморок.

Приходит в себя Венера, лежа на земле. Над ней склонился Александр. От чувства страха не осталось и следа, и девушка даже не сразу вспоминает, при каких обстоятельствах у нее случился обморок.

– Что случилось? – спрашивает она у Саши.

– Это ты меня спрашиваешь?! Это я тебя должен спросить, – сдерживая волнение, стараясь говорить мягче, произносит он в ответ. – Как ты себя чувствуешь?

Лерснер не отвечает, но обращается к нему с необычной просьбой:

– Пошли купим чего-нибудь выпить покрепче.

– Этого только не хватало! Ничего мы не будем покупать! У тебя есть лекарства, вот их и пей! – возмущается он.

– Сволочь! Ты попадешь в ад!

– Все там будем. Ты мне скажешь, что с тобой случилось?

– Отведи меня домой... к тетке, – говорит Венера, вспоминая детали своего видения.

– Не поеду я сейчас ни к какой тетке! У тебя голова не кружится, не болит?

Она не может определенно ответить на этот вопрос, поскольку в голове, действительно, творится какой-то кавардак. Опираясь на руку друга, Лерснер неуверенно идет по безлюдной дорожке, что поднимается от реки к главной улице.

Оказавшись дома, Александр уговаривает девушку прилечь на кровать, а сам садится у нее в ногах.

– Теперь, подруга, давай «по-чесноку»! В смысле, честно отвечай на мои вопросы! – говорит он, поглаживая ее колено. – Тебя не подташнивает?

– Немного. Ты хочешь сказать, что я беременна? – удивляется Лерснер.

– Не больше, чем я! – усмехается Паршин. – Господи, как же вы все примитивно мыслите!

– Сомнение в твоих умственных способностях – это еще не показатель моего уровня мышления, – цинично произносит Венера.

– Как мы заговорили! Ладно, сомневайся, сколько хочешь. Рассказывай, что с тобой случилось, не просто так же ты металась по берегу?

Она путано рассказывает про свой приступ страха, розовое небо...

– ... и Учитель. Там был Учитель, он прошел вдалеке!

– Тебе показалось, его не могло там быть. Они невидимы в нашем мире, поэтому мы видим их только во снах.

Лерснер отрицательно качает головой.

– Это был он! И там была кровь! В реке была кровь, а не вода. Густая. От запаха я и потеряла сознание, – добавляет она.

– Продолжаем отвечать честно! У тебя никто из родственников ничем психическим не болел? – слегка призадумавшись, спрашивает доктор.

– Насколько я знаю, ни за кем никаких странностей не отмечалось.

– Ни за кем, кроме тебя и твоей тетушки? – шутит Паршин.

– Марина хочет быть белой вороной, но, на самом деле, она самая обыкновенная женщина.

– Она озлоблена на общество, поэтому хочет казаться лучше других.

– Наверное, у нее были причины озлобиться. Если я подольше пообщаюсь с Ильей, я тоже озлоблюсь.

– Я говорил ему, чтобы он к тебе не цеплялся, и сегодня, если заметила, он почти сдержался.

– Не стоило, все равно его надолго не хватит.

– Не драться же мне с ним? Ладно, Вер, он дурак, и не стоит твоих нервов! Ты лучше расскажи мне, ты в первый раз упала в обморок, когда на тебя пытался напасть Старостин, так? Или у тебя такое уже случалось раньше, чтобы ты теряла сознание.

– Да, вроде, нет, – задумавшись, отвечает Венера.

– То есть эти обмороки появились у тебя после падения в замке? Ты хорошо помнишь, как упала? Давай, расскажи мне все в подробностях!

Венера вспоминает полуразрушенный флигель старого замка, разошедшуюся деревянную лестницу, идущую спиралью вверх. Она шла очень осторожно, но на высоте доски внезапно затрещали, проломились, и она полетела вниз. Девушка пыталась ухватиться за ветхие перила,

но только разодрала себе предплечье ржавым гвоздем. Дальнейшее походило на сон: все замедлилось, и она плавно опустилась вниз. Об этом Лерснер и рассказывает Паршину.

– Когда я сорвалась, у меня возникло четкое ощущение, что меня кто-то схватил, и так замедлил падение. Учитель во сне сказал, что меня спас какой-то призрак. Там высота была, наверное, метров двадцать!

– Ты помнишь, где в этот момент была твоя группа?

– Причем тут группа?! – возмущается девушка.

– Отвечай!

– Кто-то, кажется, шел за мной, но не дошел до того опасного участка, кто-то был внизу.

После падения у меня все в голове перемешалось, я не помню, где они были. Помню, что они громко орали и суетились вокруг меня, я их отругала, потому что они так могли привлечь внимание охраны, и мы быстро оттуда слиняли, пока нас не засекали.

– Ты помнишь, как твои друзья подбежали к тебе, когда ты упала?

– Нет.

– Вер, кто бы тебя там ни спасал, а головой ты все-таки ударилась. Конечно, ты отделалась очень легко, но, похоже, без сотрясения не обошлось, – Саша тяжело вздыхает. – Ты на короткое время тогда потеряла сознание, поэтому не помнишь, например, как к тебе подбежали другие. А еще у тебя, возможно, был ушиб мозга – вот тебе и причина обмороков.

Он умолкает, изучая реакцию подруги. Убедившись, что она внимательно слушает, доктор продолжает:

– Раньше у тебя такое было, чтобы что-то без причины тебя пугало или вот так внезапно меняло цвет, или чтобы ты видела что-то такое необычное, как сегодня?

– Нет. Но оно же сейчас не случайно поменяло все свой цвет, мне хотели этим что-то сказать! – волнуясь от такого странного разговора, оправдывается она.

– Вера, сейчас мне об этом лучше не говори! Только не ты! Кто угодно, но только не ты! – произносит Паршин, как будто даже побледнев. – Верочка, птичка, скажи, что этого не было, – добавляет он, крепко обняв ее. – Я не верю, что это так! Мы завтра поедем в больницу, я уверен, что тебе еще можно помочь!

– Саш, ты о чем? Что не так?

Доктор отстраняется от подруги, и она замечает, что на его щеке блестит одинокая слеза.

– Вер, – говорит он, – все, что ты говоришь – это симптомы шизофрении. Она могла развиться, как следствие травмы мозга. Я не верю и не хочу верить, что у тебя шизофрения! Но все сходится: травма, обмороки, депрессия, галлюцинации, страхи.

– У меня что?.. Не-ет.

– Очень похоже. – По другой щеке Паршина пробегает еще одна слеза. – Впрочем, может быть, если травма была не очень серьезной, это обратимо? Завтра сделаем томографию!

– Саш, ну ты же сам знаешь, что мы необычные существа, – успокаивает его и заодно оправдывает себя Венера. – Нам и не такое может привидеться. Ты, вот, можешь ощущать присутствие духов, и ты же действительно их чувствуешь, ты не сумасшедший. А помнишь, мы пробовали общаться телепатически? У нас же получалось!

– Ладно, надеюсь, ты права. Но теперь я буду за тобой очень внимательно наблюдать.

– Договорились, док! – усмехается Венера.

– Так как ты себя сейчас чувствуешь?

– Правда, немного тошнит и голова побаливает.

– Предлагаю убрать основной препарат. Он, конечно, такого «прихода» не дает, но тошноту и головокружение вызвать мог. Завтра принесу тебе что-нибудь полегче. Постарайся сейчас поспать. И не пугай меня больше так.

Подруга улыбается в ответ, и устраивается на кровати поудобней. Паршин накрывает ее одеялом, а сам выходит на кухню. Когда он снова заглядывает в зал, Венера крепко спит. Чтобы

не тревожить ее сон, Саша бесшумно проходит с кружкой чая к компьютеру и, снизив до минимума громкость звука в колонках, включает его. В воскресный вечер хотелось расслабиться: лежа на диване, переключать каналы, не останавливая надолго свое внимание ни на одном, но Венере нужен отдых и тишина, поэтому пришлось променять диван на стул, экран телевизора на монитор компьютера, а телепередачи на интернет.

Лерснер, тем временем, видит тяжелый и, кажется, совершенно бессмысленный сон. Во сне она стоит перед ветхой металлической дверью очередного полуразрушенного дома. Ей хочется, во что бы то ни стало, посмотреть, что скрывается за нею. Венера стучит ладонью – усиленный резонансом звук подобен грому, но на стук, естественно, никто не открывает. Девушка поворачивается к двери спиной и стучит ногой. В замке что-то щелкает, и тяжелая створка медленно сама собой отворяется перед ней. Взору открывается длинный коридор, каким могут похвастаться коммунальные квартиры. Коридор оказывается очень темным, единственная лампочка, с треском мигающая в конце него, не в состоянии осветить все пространство. Едва девушка переступает порог, она чувствует неприятную, гнилую сырость и слышит жужжание множества мух. Заметив на полу что-то белое, Венера наклоняется и поднимает маленький обрывок бумаги. На нем есть какая-то надпись, но прочитать ее не представляется возможным. Немного поколебавшись, она решает подойти ближе к лампочке, горящей не ярче, чем в полнакала. Каждый шаг, вторя биению сердца, отдается в затылке ноющей болью. Оказавшись возле этого скудного источника света, среди полчища мух Лерснер замечает одинокую ярко-желтую бабочку, которая отчаянно мечется вокруг лампочки. Венера не успевает удивиться, как бабочка, коснувшись тонкого горячего стекла, падает на пол. Девушка почему-то вскрикивает, когда видит это. Тяжело вздохнув, она делает еще один шаг и, оказавшись прямо под лампочкой, смотрит записку.

«Не смей! Не слушай их! Н. и Ф. – спасение!», – чернеют неровные буквы на белом обрывке бумаги.

– Не смей, не слушай их, ниф – спасение, – читает она. – Что такое «ниф» и кого оно спасет? Ну и бредятина! – бормочет Венера и рвет записку на мелкие клочки.

Ее внимание привлекает приоткрытая дверь справа. Подойдя к ней, девушка заглядывает в небольшую комнату и ужасается: на фоне темного окна отчетливо виден силуэт повешенного человека. На скрытом тенью лице внезапно блеснули глаза, отразив скудный свет лампы из коридора. Слышен сдавленный вздох, а после раздается хриплый, но узнаваемый голос:

– Вера! Вера, уходи!

Венера с ужасом осознает, что видит перед собой Татьяну. Несчастную подругу Таню, которая так рвалась в ту проклятую пещеру, несмотря на категорический отказ от экспедиции главы их группы. Еще несколько дней назад Лерснер уговаривала ее проявить самостоятельность, и к чему это привело? К петле! К петле? Венера впадает в ступор, но не от страха, а от непонимания происходящего.

– Вера, не ходи к ним! Они тебя тоже убьют, как и меня! – снова хрипит труп.

– Ты же погибла при обвале? – наконец, робко бормочет Лерснер.

– Обвал спровоцирован, – еле слышно отвечает покойница. – Черный... в пальто сказал – обвал спровоцирован! Хотели убить тебя, а тебя с нами не было.

– Таня, тебя же завалило, почему ты в петле?

– Я не знаю, как ты меня видишь! Вера! Мне так тяжело говорить! Черный просил тебя предупредить, не ходи туда, куда тебя позовут, – хрипит она. – Беги!

Старые стены начинают ходить ходуном, трястись, здание рушиться, и Лерснер спешит обратно, к выходу.

Сон обрывается, едва Венера выбегает из страшного здания. Чувствуя ноющую боль во всем теле, и наиболее сильную в затылке, она встает с кровати. Вечер уже окутал комнату

в серые тона. Александр что-то увлеченно читает с экрана, не обращая внимания на девушку. Она подходит к нему и тоже заглядывает в монитор.

– Проснулась? – не глядя на нее, спрашивает он.

В ответ слышится утвердительное мычание.

– Как спалось?

– Не спрашивай! – вздыхает девушка, садясь рядом. – Хуже не бывает.

– Кошмары снились? – приподняв бровь, спрашивает Саша.

– Да, про трупы в коммуналке, – потерев лицо ладонями, говорит Венера. – Голова раскалывается. Есть что-нибудь от боли?

– Да, сейчас принесу. Кофе будешь?

– Буду.

Паршин выходит на кухню, оставив подругу наедине с ее мыслями. Она снова и снова прокручивает в памяти сюжет сна, ищет в нем хоть какой-то смысл, но так и не находит. Высшие силы настойчиво предупреждают ее о чем-то, о какой-то опасности. Только знать бы о какой! А, может быть, все это проявление депрессии или, как сейчас подозревает ее друг, психоза, и бояться совершенно нечего, кроме «психушки»? Александр возвращается быстро, с чашкой ароматного кофе и упаковкой лекарства.

– Будь на всякий случай осторожнее, – говорит он, как бы, между прочим.

– То есть ты уже не считаешь все это проявлением болезни или побочного действия лекарства?

– Что бы я ни считал, тебе, в любом случае, не помешает проявлять осторожность.

– Проявлять осторожность в чем? Ты можешь сказать что-то определенно? – нервно спрашивает она.

Саша обнимает ее со спины и, задумавшись, произносит:

– Не могу. У меня предчувствие какое-то скверное, и я не пойму, с чего у тебя была такая странная галлюцинация на берегу. Лучше забудь обо всем, что сегодня с тобой случилось. Ладно? Если тебя хотят о чем-то предупредить, пусть сделают это более конкретно, в конце концов это в их силах, – советует Александр. – А если подобное повторится, и тебя будет что-то пугать без какого-либо смысла, то ты будешь лечиться.

Лерснер эта мысль нравится: действительно, Черный Ангел мог бы и более конкретно все объяснить. Явиться, например, во сне, наговорить фальшивых комплиментов, рассказать, чего именно не стоит делать, а не одаривать ее симптомами все новых психических отклонений! А если Саша прав в своем первоначальном предположении, то чем раньше она начнет лечение, тем для нее будет только лучше. Но что-то все-таки не дает ей покоя. Где-то в глубине своего сознания Венера все еще уверена, что и видение на берегу, и кошмарный сон очень важны, но слабость, выразившаяся в упрямстве, на этот раз побеждает.

Глава 9

Первые дни рабочей недели пролетают незаметно. Александр сегодня стремится закончить все дела, как можно скорее, и спешит увидеть Венеру, не потому, что соскучился, а потому, что в эти сутки очень переживал, что оставил ее надолго одну.

Домой с работы Паршин приходит очень уставшим. Причина его усталости заключается в ночном дежурстве и напряженном рабочем дне. В среду, отработав дневную смену, он всего на полчаса заскочил домой, чтобы пообедать и переодеться, после чего тут же вернулся на работу, чтобы, спустя сутки, прийти утомленным и разбитым. Его подруга все это время оставалась одна, и это не могло не тревожить доктора. В среду, когда он забежал домой, Венера увлеченно играла в какую-то игру на его компьютере, он даже не обратил внимания в какую, но еда была горячей и ждала его на кухне. Затем, нехотя оторвавшись от своего занятия, девушка встала его проводить и закрыть дверь. В ее поведении не было ничего необычного, но это и насторожило Сашу – слишком уж спокойной и апатичной ему показалась Лерснер тогда. Вечером она не звонила, что было типично для нее, а у его мобильного, как назло, сел аккумулятор, зарядное устройство, конечно, осталось дома, и с рабочего телефона позвонить не удавалось – до глубокой ночи доктор промаялся с тяжелым больным. Когда он освободился, звонить, по его мнению, было уже поздно, поскольку, девушка к этому времени, наверняка, крепко спала. Хотя у нее уже не было никаких признаков психического или нервного расстройства, Саша был уверен, что о выздоровлении или о значительном улучшении говорить еще рано. Вряд ли в практике мировой психиатрии бывали случаи такого внезапного исцеления.

Входя в квартиру, он спотыкается о сумочку Венеры. Тут же ему навстречу выбегает она сама, со словами:

– Ой, извини, не успела убрать!

Лерснер выглядит несколько странно и как-то неопрятно. Обтягивающий темный жакет из плотной эластичной ткани застегнут на все пуговицы, чем делает девушку похожей на скромную учительницу с отвратительным вкусом. Его бортики немного отстают друг от друга на груди, и Саша различает светлую, кружевную ткань ее бюстгалтера. Вряд ли Паршина можно считать экспертом в сфере моды и стиля, но даже ему становится предельно ясно, что такую одежду не носят на голое тело. Однако образ неопрятной учительницы полностью рушит ее персиковая юбка легкомысленной длины из тонкого материала. Волосы девушки собраны на затылке в растрепанный пучок. При этом все говорит о том, что она тоже только что пришла домой.

– Где ты была? – резонно спрашивает Саша. – Еще и в таком виде?!

Конечно, Венера могла сказать, что ездила по делам в салон или навещала свою тетю, а потом придумать объяснение необычному внешнему виду, но этот вопрос, как и Сашин приход, видимо, застал ее врасплох, а в таких случаях, не успевая придумать ложь, она всегда говорит правду.

– В клубе, – виновато признается она. – Не ругайся, пожалуйста!

– Не буду, я устал, – говорит он, разуваясь. – Отдохну и придушу тебя. Как это называется?! Я вкальваю, как проклятый, а ты...

– Саша, прости меня, пожалуйста! Мне без тебя было так одиноко, и я решила развеяться. Я всю ночь была с подругой. Честно! У меня фотки есть, если не веришь!

– Вера, с тех пор, как мы с тобой прекратили близкие отношения, ты имеешь право встречаться с другими мужчинами, а я с женщинами, поэтому мне все равно с кем ты там была. Важен сам факт! Я за тебя переживаю, а ты этого не ценишь! Ты совсем, конечно, не подумала, что алкоголь с лекарствами не сочетается?

– А я вчера не пила лекарства и в клубе почти не пила алкоголь, – оправдываясь, сообщает она.

– Почему не пила лекарства? – устало вздохнув, строго спрашивает Паршин.

Подруга молчит, став мрачнее тучи от чувства вины.

– Ясно, чтобы напиться! – почему-то с обидой выдыхает Александр. – Подожди, у тебя же здесь, ты говорила, нет подруг, кроме Олеси, разве что?

– Я с ней в клубе познакомилась, – виновато произносит Венера.

– Зашибись!

Его возмущает поступок девушки, но он настолько устал, что не в состоянии тратить силы на ссору с ней. Он проходит в зал мимо подруги и, потянувшись, говорит:

– Ладно, я не сержусь. Рассказывай, где была, что делала.

Саша устало садится на диван и, дернув Венеру за руку, сажает ее рядом с собой.

– Тебе не обязательно знать обо всем, что я делаю, – возмущается она.

– Я твой врач, я должен знать, – настаивает Александр, устало запрокинув голову и закрыв глаза. – У тебя нестабильное состояние, вдруг ты этой ночью человека убила?

– Ты от природы дурак или это профессиональная особенность? – в ответ спрашивает Лерснер, покрутив пальцем у виска.

– Ну, прости, – посмотрев на нее, произносит доктор. – Мне просто, как специалисту, интересно, что человек в состоянии запущенной депрессии, с травмой мозга и подозрением на шизофрению может делать в ночном клубе? – добавляет он, нарочно сгущая краски, относительно состояния девушки.

– Саш, ты переработал, по-моему.

– Вот и расскажи, что было, убеди меня, что ты вмняемый человек!

Немного помявшись, она начинает рассказ, вспоминая события прошлого вечера.

А дело было так: вчера, проводив Сашу на дежурство, Венера пару часов маялась от скуки, пока у нее не появилась идея, как приятно провести время в отсутствие друга. Она бросилась к сумке, которую ей в свое время передала Марина Генриховна. Из всех вещей, плотно и аккуратно сложенных, она выбрала персиковую юбку, тот самый жакет и бежевый топ из шелка, который загадочным образом пропал в конце ее приключений. Позднее Венера вспомнила, что сняла его в туалете клуба из-за духоты. Видимо, там она его и оставила.

Выбор этих вещей был продиктован, исключительно, нежеланием тратить время на глажку одежды. Наскоро закрутив волосы на затылке, девушка проверила содержимое сумочки, на бегу схватила Сашины запасные ключи и покинула квартиру.

Клуб, в который направилась Венера, находится не очень далеко от Сашиного дома. Он небольшой, специфический и, наверное, про него можно сказать, что он представляет собой подобие большого бара «для своих». Там часто можно встретить любителей рока, и тех, кому не нравится приторная, однообразная атмосфера большинства ночных клубов города. А еще это одно из немногих заведений, где неофициально разрешено курить. Здесь периодически выступают известные, и не очень, группы. По этой причине, оборудованы сцена и небольшой танцпол, который не пустует, даже когда концертов нет.

Войдя в помещение, Венера сразу же направилась к барной стойке. К своему счастью, она пришла рано, поэтому возле бара еще были свободные места. Мягкий красный свет исходил от потока над головой бармена. Играла музыка, в основном рок, достаточно громко, для того чтобы почувствовать себя раскрепощено, и достаточно тихо, чтобы можно было разговаривать. Лерснер наслаждалась знакомой мелодией, заказав себе для начала двойной эспрессо. Народ потихоньку подтягивался.

В какой-то момент, когда стало уже душно, а лучи света начали пронизывать легкую табачную дымку, Венера услышала справа рядом с собой чье-то вымученное чертыханье. Повернув голову, она увидела девушку, мучавшую навсегда потухшую зажигалку. Вероятно,

она стеснялась попросить кого-то дать ей прикурить. Усмехнувшись про себя, Лерснер достала из сумочки свою бензиновую зажигалку с позолотой и, зажженной, протянула ее незнакомке. Девушку приятно удивил такой жест.

– О?! Спасибо! – поблагодарила она.

– Всегда – пожалуйста, – улыбнулась в ответ Венера.

Минуту спустя незнакомка нарушила молчание:

– Вообще я не курю, просто достало все!

– Что так? – из вежливости спросила Лерснер.

– Неприятности на работе, – ответила незнакомка, которой, похоже, очень хотелось выговориться. – А ты на какую-то актрису похожа из старых фильмов. Я не всех их знаю.

Венера повернулась вполборота, улыбнулась, пожала плечами, и отрицательно покачала головой.

– Меня с кем только ни сравнивали, даже с Мерлин Монро, но ничего общего ни с одной актрисой я в себе не нахожу, – ответила она. – Правда, мне нравится тематика ретро в прическах, одежде и макияже – это сейчас актуально.

– Нет, я уверена. Мне нравятся винтажные фотографии и плакаты, я их даже собираю. Правда, в электронном виде. И я, сто процентов, видела какую-то актрису точь-в-точь как ты! У меня фотографическая память на лица.

– Это странно. Но не зря же говорят, что у каждого человека есть свой двойник. А ты тоже пришла без компании?

– Да. Мне не с кем ходить по клубам.

– Как тебя зовут?

– Лиля! – представилась девушка, протягивая руку для приветствия.

– Вера.

Они, смеясь, пожали друг другу руки.

– Может по пиву? – предложила Лиля.

– «Пина колада»! Две! – крикнула Лерснер бармену. – Пиво – это не то, что я хочу запомнить об этом вечере, – обратилась она уже к Лилии. – Не волнуйся, я угощаю, если ты не против.

Последние слова были совершенно лишними, ее новая знакомая, хоть и не привыкла зависеть от других людей, даже в мелочах, но не стала возражать.

Следом за «Пина коладой» Венера и Лиля перепробовали, пожалуй, все коктейли, какие только готовили в баре. Дальнейшее вспоминалось отрывками: танцпол – причем, именно Лерснер, потащила свою новую знакомую танцевать, трамвай, незнакомая квартира, Мартини, рассвет в парке на берегу реки.

– А как ты на берегу-то оказалась? – спрашивает Саша, выслушав краткий и сбивчивый пересказ вчерашних событий.

– В том районе, где она живет, у меня есть любимое место на берегу. Мы пошли туда встречать рассвет и петь песни.

Паршин взрывается истерическим хохотом.

– Что-что вы делали? – едва одолев смех, вытирая проступившие слезы, переспрашивает он. – А в квартиру к ней ты как попала? И знаешь, мне даже очень интересно, чем вы там занимались?

– Ну, клуб закрывался, а мы только начали расслабляться. Лиля сказала, что у нее дома есть Мартини – это было очень кстати. Мы выпили ту бутылку, нашли остатки вина – тоже выпили, и пошли гулять, чтобы не было похмелья. Это всегда работает: если после того, как выпьешь, не ложиться спать, а побродить на свежем воздухе, то никакого похмелья не будет.

– Алкоголички! Как вас не задержали?! Что еще делали?

– Не задержали! Кофе пошли пить, а что? – немного обиженно признается она.

– Да я думаю, может, еще что-нибудь интересное о себе расскажешь. Пили?

– Пили. Чай.

После дурачества с распеванием песен, услышанных в клубе, и импровизированными танцами, девушки побрели в ближайшее открытое кафе со столиками на свежем воздухе. Остановившись перед стендом с меню в небольшом баре, Венера и Лиля стали выбирать отрезвляющее и бодрящее средство.

– Какой кофе будем пить? – спросила Лиля, рассматривая названия.

– Даже не знаю, – растерялась Лерснер, – эспрессо и американо горькие, а все остальное слишком сладкое.

– Может, латте или капучино без сахара?

– Нет, они не крепкие, а надо что-нибудь несладкое и крепкое.

В их рассуждения вмешался бармен:

– Водка. Несладкое и крепкое, – шутя, сказал он.

– План по пьянке мы уже выполнили! – смеясь, ответила Лиля, ее смех подхватила и Венера.

– По вам заметно. Может, чайку? – улыбнувшись, произнес бармен.

Девушки согласились. Вскоре, они уже сидели за неприглядным столиком, и пили безвкусный чай. За чаем последовала долгая и бессмысленная прогулка по торговому центру, после которой Лиля покинула свою новую знакомую, отправившись по своим делам. Венера же продолжила прогулку, но уже по городу. Пообедав в ресторане, она вернулась всего минут за пять до Паршина.

– Ладно, – потирая глаза и подавляя судорожный смех, произносит Саша, – как можно на тебя злиться?! Фуух! Но если еще раз такое сделаешь, я имею в виду, пойдешь в клуб одна, напьешься и будешь клеить девиц, я отправлю тебя обратно к Цербер Генриховне!

– Не надо, – жалобно стонет она.

– Во-во, не надо. Не надо ходить одной по клубам и ночевать, где и с кем попало. Кто вообще такая эта Лиля?

– Не помню. Просто девчонка из местных.

– Вера-Вера, ты не сумасшедшая, ты чокнутая! – устало выдыхает доктор.

Уже после обеда, полностью успокоившись, он жалеет, что дал выход своим эмоциям: точечная ноющая боль возникает в правом виске. Ее интенсивность очень быстро нарастает и, вскоре, невыносимо начинает болеть вся правая половина головы. Саша, держась за стены, идет на кухню, где хранятся обезболивающие. Следом за ним там появляется и Венера. Заметив, как он нервно запивает водой две красные капсулы, она говорит:

– От этого лекарства можно стать наркоманом.

– Лучше быть наркоманом, чем мертвым! – хриплым вымученным голосом отвечает он. – Не сниму спазм – мне хана!

– Опять мигрень? – участливо интересуется Лерснер.

– Если бы! – одними губами проговаривает доктор. Уже громче он отвечает подруге: – Угу!

– От нее разве умирают?

– Ты можешь просто помолчать?! – огрызается Саша. – Если отключусь, вызови «скорую». Только про мигрень им ни слова!

– А как сделать, чтобы ты не отключался?

– Не доставать меня! – Паршин берет коробку с ампулами и шприц. – Мне надо сделать укол.

– Я умею, давай, я тебе сделаю. Самому же неудобно.

– Черт с тобой! Делай!

Вопреки ожиданиям Саши, Венера справляется со своей задачей не хуже опытной медсестры. Это значит, что обострение болезни, возможно, удастся победить, и сегодняшний день не закончится трагически. Главное, чтобы кровообращение восстановилось до того, как пострадает мозговая ткань. О том, что опасность миновала, будет сигнализировать стихающая боль, но до этого еще далеко.

Саша многое бы отдал за то, чтобы его недуг был мигренью, как он представил его Венере, а не с усердием разрушающей его жизнь ишемией, которая развилась у него после старой спортивной травмы.

Действие наркотического компонента еще не началось, и Александр испытывает невыносимую боль. Венера, как может ему помогает.

– Воздух! Нечем дышать! – хрипит Паршин, и Венера распахивает балконную дверь. – Свет! Прикрой окно, мне больно смотреть! – и Венера снова бросается к окну, чтобы закрыть шторы.

Вот она выходит из комнаты и возвращается с холодным, мокрым полотенцем, которое тут же прикладывает ко лбу друга. Он вымученно улыбается и, поймав руку девушки, целует ее ладонь. Постепенно мышцы его лица расслабляются, сообщая о том, что средство начинает действовать. Бессмысленный взгляд и полная прострация Саши говорят о том, что в действие, блокируя восприятие боли, вступает триметилморфин, он же кодеин, – тот самый ингредиент, способный вызывать наркотическую зависимость. Такое состояние продолжается недолго – минут через пять спазм начинает стихать под действием уже других компонентов, а еще через десять минут Александр, кажется, возвращается в свое прежнее состояние то, что было до приступа.

Венера залезает с ногами на диван к своему другу и, встав на колени, обнимает его, прижимаясь губами к его голове.

– Я... Нет, но спасибо, что... Верка... Я... Короче... Ну, ты знаешь, – бормочет Саша, желая, наверное, поблагодарить подругу за внимание или сказать ей что-то другое, но не найдя слов. – Какая ты умница! У меня, кстати, не получится поехать с тобой на шабаш. У меня будет дежурство.

– Как?! Почему? Ты же говорил, что будешь свободен?! – негодует она, отстранившись от него.

– Коллега заболел, его дежурство мне поставили, – расстроено произносит он.

– А он не поправится до Бельтана?

– Вряд ли, если только чудо... У него что-то серьезное, – вздыхает Александр, взяв ее ладони в свои.

– Мило. С кем же мне ехать? С Бондарями? Хотя, они, скорее всего, согласятся.

– Еще бы! Они будут счастливы! Тем более, у Ильи есть машина.

– Да, – соглашается Венера, – это лучше и быстрее. Тем более, автобус прибывает в Рязань рано утром, потом надо будет пересесть на другой автобус до поселка, – все как-то сложно.

– Вот именно. Сама им позвонишь?

Лерснер утвердительно кивает, говорит, что это дело лучше не откладывать, и сразу же звонит Олеся. Предложение, как и ожидалось, принято Лисицей с радостью.

– А вы с той девчонкой, правда, песни пели на берегу? – спрашивает Паршин, когда Венера кладет телефон на столик рядом с диваном.

– Не то чтобы пели, скорее, вспоминали слова, – отвечает она и улыбается, вспомнив раннее утро на берегу. – Не знаю, захотелось чего-то безумного. У нее какие-то проблемы с начальником, а меня последние события вымотали, вот нам и захотелось эмоциональной разрядки. Смотри, что я там нашла! – Венера достает из кармана жакета покрытую коррозией гильзу. – Как думаешь, от чего это?

– Всякий хлам собираешь! Наверное, от пулемета. Здесь в некоторых местах такого добра до сих пор навалом.

– За сколько, интересно, можно продать?

Услышав такой вопрос, Саша снова взрывается смехом.

– Она ничего не стоит, – отвечает он. – Выбрось!

– Жаль.

– Эх, горе-кладоискатель! У меня есть для тебя еще более безумное предложение, чем поиск металлолома с песнями. Видишь ли, план Олеси мне не нравится. Получается, мы будем сидеть на месте, киснуть в своем болоте, а кто-то там будет что-то для нас делать, если будет, – говорит он, положив руки на талию своей подруги. – Вот я и предлагаю, рвануть рано утром в субботу в Москву. На сайте, есть адрес «Седьмой Атлантиды»...

– И что нам это даст? Мы придем к ним и устроим погром? Хотя ее план не лучше.

– Почти угадала. Скажи, ты не потеряла своих гипнотических способностей?

– Нет, хочешь проверить? – улынувшись, она обхватывает его голову, глядя в глаза, приближает свое лицо к его лицу и целует.

Их прошлая связь время от времени дает о себе знать, поэтому оба привыкли не придавать слишком большого значения поцелуям. Он обнимает девушку, нежно прижимая к себе, и продолжает:

– Умница ты моя! Птичка! Мы приедем к ним... Я думаю, пробраться к главному будет не сложно. А так, мы просто посмотрим, что там, может быть, поговорим, по-человечески, с ними; внушим им что-нибудь с помощью твоего гипноза. В случае опасности, мы сможем защитить себя, ведь я тоже кое-что могу. Может быть, от этого будет толк? Вот такой план.

– План безумный, не скажу, что он мне нравится. Ты хорошо знаешь Москву, а то я там вообще не ориентируюсь?

– Не заблудимся, ты же знаешь, что я в любом незнакомом месте найду дорогу, если четко представляю свою цель. А можно как-нибудь иным образом проверить твои способности? – прищурившись, спрашивает Александр.

– То есть первый способ тебя не впечатлил?

– До сих пор под впечатлением! Только...

– Знаю, знаю! Тогда пошли в магазин! В тот, который в твоём доме, – весело говорит девушка, вскочив с дивана.

На первом этаже Сашиной девятиэтажки находится небольшой магазин самообслуживания, в котором он некогда купил подруге зубную щетку. Туда они и отправляются. На входе Венера хватает то, что первое подворачивается под руку – пачку печенья, подходит к кассе и кладет перед кассиршей свою покупку. Паршин стоит рядом и наблюдает за происходящим. Кассирша проводит пачку через сеть красных лучей сканера, не называя стоимости, открывает ящик с деньгами и, к Сашиному удивлению, начинает сосредоточенно выкладывать перед Венерой дорожку из монет достоинством в один рубль. Лерснер и не думает ограничиваться столь малым. Девушка умело изображает удивление и даже делает попытку привести продавщицу в чувства.

– Женщина, что вы делаете?! Жен-щи-на! Ау! Что вы делаете?! – возмущенно и встревожено говорит она.

Кассирша приходит в себя, но не сразу понимает, почему перед ней лежит дорожка из белых монеток. На крики Венеры подбегает охранник, но скандала не происходит. Девушка расплачивается и высказывает совершенно бредовую версию о том, что в поведении кассирши виноваты магнитные бури.

– Это еще что! А вот в Ивановке был случай... – Лерснер рассказывает удивительную историю о том, как в ближайшем к городу селе один старичок, хотел вывести корову на паст-

бище, но не знал, что в этот самый день была сильная магнитная буря... – И только на полдороге он заметил, что ведет на веревке не корову, а свою собаку!

Работники супермаркета одобрительно смеются, дивятся превратностям природы и благодарят девушку за честность, что она не воспользовалась в корыстных целях беспомощным состоянием кассирши.

– Это было что-то! – восхищенно произносит Паршин, когда они выходят на улицу. – Неужели, они тебе поверили?!

– Даже не сомневайся! Думаю, скоро история про старика с собакой дойдет до тебя уже от других людей в виде слуха и, кстати, с новыми подробностями! А может быть, и в газете напечатают! – радостно предрекает девушка.

Ее фокусы с гипнозом в очередной раз поражают доктора. Теперь, несмотря на немного тревожное предчувствие, он уверен, что поездка в Москву – это правильное решение.

Неожиданно Александр вздрагивает, поймав на себе черный, ледяной взгляд подруги.

– Эй, ты что делаешь?! – немного испугавшись, спрашивает он. – Нет! Меня нельзя гипнотизировать! Верка, не надо!

– Да, жаль, что не на всех это действует, – с досадой произносит Венера, а ее глаза приобретают свой естественный вид. – Тебя сложно загипнотизировать, зато напугать удалось.

– Я не испугался, – врет Саша.

– Да? А ты свое лицо видел? – смеется девушка. – Я показала тебе фокус, теперь ты что-нибудь сделай.

– Монетку тебе кинуть?

– Самовлюбленный мелочный инкуб! – смеясь, говорит она.

– А я Саша. Рад познакомиться! – шутит Александр.

– Ну, не издевайся!

– Ладно. Дамы и господа, по многочисленным просьбам очаровательного суккуба, нашей драгоценной Верочки Эвальдовны Лерснер, состоится грандиозное представление! – негромко, но торжественно объявляет он. – Смотри, впереди идет мужик, – говорит Саша, уже как можно тише. – Внимание!

Он пристально смотрит на идущего впереди человека, и неизвестный мужчина, сделав пару шагов, падает, споткнувшись на ровном месте. Прохожий тут же поднимается, испуганно озираясь по сторонам, отряхивается и продолжает свой путь.

– Ну как? – гордо интересуется Александр.

– И всё?! Я готовилась увидеть минимум светопредставление! – разочарованно произносит девушка.

– Ну, не могу же я просто так убить человека или, скажем, покалечить. Это у меня немного разрушительный дар, – объясняет он.

– Ну, ты же можешь сделать что-нибудь менее разрушительное, но более эффективное? – не унимается Лерснер.

– Могу, – отвечает Паршин и задумывается. Он не хочет больше ничего показывать Венере, потому что боится, что это вызовет новый приступ головной боли. Саша решает плавно сменить тему: – Могу, – повторяет он снова, – но не здесь же. Придем домой, и я продемонстрирую тебе свой главный талант, – наклонившись к девушке, говорит он и нежно проводит пальцем по ее ключице.

– Позволь, угадаю! – подыгрывая ему, заворожено произносит Венера. – Ты сварьшь мне кофе?

– Не совсем, – продолжает он в том же духе, – но жарко, я обещаю, будет.

– Ты сварьшь меня?! – смеется она.

– Пошли! Вредина! Мечтал себе человек – нет! Надо было его обломать!

– Не мечтал, а размечтался. Хотя, я ведь почти уже согласилась... на кофе, – улыбается Венера.

– Молчи уже, а то... сварю! – смеется Александр и целует подругу в щеку.

Дома, друзья пьют чай с принесенным печеньем и обсуждают предстоящую поездку. Саша следит, чтобы Венера выпила лекарство. Когда она уходит спать, Александр задумывается о том, правильно ли он поступает. Сейчас ему, действительно, кажется, что его попутал лукавый, подав безумную идею с поездкой в Москву. С другой же стороны, никто не требует от него и Венеры активных действий, можно просто поехать и посмотреть, что к чему, а в случае опасности они смогут себя защитить. В конце концов, представители «Седьмой Атлантиды» не поленились разыскать людей с необычными способностями даже в Германии. Сейчас Александр считает необходимым, нанести им ответный визит. Возможно, думает он, это позволит защитить других людей и, конечно, его и Венеру. А если нет, то хотя бы внесет некоторую ясность.

Глава 10

Скверное предчувствие не покидает Паршина и в пятницу, при покупке билетов, но он не придает этому значения, поскольку считает себя слишком мнительным человеком, а дело достаточно серьезным для того, чтобы вызывать волнение. Лерснер, увидев билеты, почему-то расстраивается и грустно произносит:

– Значит, все-таки едем? Что-то мне уже расхотелось.

– Мы же все решили! Не бойся! Отступать нельзя, – подбадривая ее, говорит Саша. – Все будет хорошо, ведь кто, если не мы? Или ты веришь, что Бондари добьются большего?

Девушка замыкается на весь оставшийся день, но он не придает этому значения. Только перед сном она снова сообщает, что совершенно не хочет ехать, но доктор успокаивает подругу, утверждая, что билеты уже куплены, а волноваться нечего.

Ночью оба мучаются бессонницей, засыпают под утро и просыпаются гораздо позже запланированного времени. В довершение ко всему, Александр с утра никак не может найти свой паспорт. Это было бы еще полбеды, если бы Саша не положил в него билеты.

– Вчера вечером его в руках держал! Куда я мог его положить?! – в отчаянии мечется он по квартире.

– Я не видела, – отвечает Венера. Она сидит на кровати, сонными глазами наблюдая за ним. Девушка уже полностью готова для выхода из дома и ждет только, когда ее друг найдет свой документ.

– Полчаса! Полчаса ищу! Мы же опоздаем! Да помоги мне! Куда я его дел?!

Лерснер лениво проходит кругом по залу, бегло осматривая полки, тумбы и стол, и возвращается на свое место.

– На кухне нет! – кричит Паршин, врываясь в комнату, – Где?! Надо вспомнить, куда же... куда же... под диваном смотрел. Под кровать закатился? Ноги убери! – он заглядывает под кровать, но и там паспорта нет.

Приближаясь к состоянию иступления, он неожиданно замечает краешек знакомой яркой обложки, выглядывающий из-под клавиатуры.

– Я ж все на столе перерыл! – чуть ли не рычит он. – Паспорт! Верка! Давай, вставай, опаздываем!

Александр хватается за документ, проверяет на месте ли билеты, и бежит к двери.

Несмотря на время, потраченное на нервное ожидание такси, на большую пробку, образовавшуюся из-за ремонта дороги, они все-таки успевают на свой рейс.

До Москвы друзей везет микроавтобус частной компании. На дорогу уходит примерно столько времени, сколько обещала транспортная фирма. Они оказываются в Москве даже раньше, чем рассчитывали, так как, по привычке, накидывали пару часов, которые могли пригодиться на пробки или иные задержки в пути.

Микроавтобус уже лениво везет своих пассажиров через город, когда Александр просит водителя высадить их с подругой возле остановки городского транспорта. Он выходит и выводит Лерснера за руку. Городской шум и суэта обрушиваются на них, подобно лавине. Когда Паршин говорит, что им надо перейти на противоположную сторону улицы, Венера снова, но уже сама, хватается за руку. Девушка едва ли может ориентироваться в незнакомом месте, тем более улица, по которой они идут, очень оживленная.

Саша переводит ее через дорогу на противоположную остановку, потом, приобняв за плечи со словами: «Пойдем, пойдем!» тащит к остановившемуся автобусу.

– Не проще ли было поехать на метро? – произносит Лерснер, когда они занимают свободные места.

– Я под землей хуже ориентируюсь. Я сам не очень-то знаю Москву. Мне, обычно, достаточно представить конечную цель, а дальше меня как будто кто-то ведет к ней. Почему-то под землей это не работает, – объясняет Саша.

Новенький автобус рассекает городские улицы. За окном проносятся и проплывают перекрестки, магазины, дома, проспекты, тихие улочки, административные здания, автобус то и дело поворачивает, останавливается, пассажиры меняются. Венера перестает следить за пейзажем, отчаявшись запомнить дорогу. Наконец, Паршин говорит:

– Все, пошли. Это должно быть здесь.

Оказавшись на остановке, он задумывается, осматривается и, выбрав направление, командует:

– Туда!

Друзья проходят достаточно большое расстояние, прежде чем, замечают здание бизнес-центра, знакомое им по фотографии с сайта. Согласно описанию, офис «Седьмой Атлантиды» занимает два этажа и даже имеет отдельный вход. Именно вид двери с бело-голубой табличкой почему-то убивает весь энтузиазм доктора Паршина. План, который еще вчера казался ему гениальным, теперь представляется глупым и наивным.

– Что-то мне уже расхотелось геройствовать, – вздыхает Саша, глядя на зеркальные окна центра «Седьмая Атлантида». – Давай не будем с ними разговаривать? Разве что посмотрим немного.

– А как же обещанная Holy war? – усмехается Венера.

– А оно нам надо?

– Если честно, я тоже считаю, что не надо, но посмотреть, я думаю, можно, – поддержав новую идею друга, девушка уверенно направляется к зданию.

Они задерживаются у дверей, осматриваются, и, собравшись с духом, входят внутрь. Первое, что бросается им в глаза – обилие белого цвета в оформлении помещения и странные разноцветные картины на стенах.

– Это, по-моему, называется «мандала», – шепчет Лерснер, кивая в сторону одной из таких картин.

Справа от входа оборудована стойка охраны, но самого охранника нет. Видимо, гости, даже незваные, бывают в этом здании очень редко. Друзья стоят около выхода в самом начале небольшого коридора, который заканчивался двумя лестницами слева и справа, ведущими на второй этаж. Венера осторожно приближается к ним. Прислушавшись, она поворачивается к Саше и, прижав палец к губам, напоминает ему соблюдать тишину, а потом жестом манит к себе. Сверху доносятся голоса, слышатся шаги. Едва он подходит к подруге, как наверху, прямо рядом с лестницей, хлопает дверь, и кто-то начинает спускаться.

– Бежим! – забыв об осторожности, кричит она.

Друзья инстинктивно кидаются к выходу, не обращая внимания на то, что их успели заметить – спускавшаяся женщина услышала крик и мельком увидела убегающую пару. Сложно предположить, что было бы, если бы они вышли из здания спокойно, но, наверняка, тогда бы та женщина не приняла бы их за хулиганов и не стала бы, заручившись помощью своего коллеги, их преследовать.

Когда они уже оказываются за дверью, Паршин допускает еще одну непростительную ошибку – останавливается сам и задерживает подругу. Внезапно дверь распахивается, и на улицу выбегает та самая женщина и молодой, но хорошо сложенный мужчина. Все, что успевает сделать Саша, это оттолкнуть подругу в сторону, где она могла бы укрыться в нише, а сам завязывает драку с мужчиной, уводя его. Как он наскоро и рассчитал, достаточно было нанести противнику несильный удар в корпус, чтобы заставить его преследовать себя с целью возмездия.

Женщина уже было бросается на помощь своему коллеге, но случайно, повернув голову влево, сталкивается взглядом с Венерой. Они обе замирают, узнав друг друга, но, не веря своим глазам. Перед Лерснер сейчас стоит та женщина, которая следила за ней еще в Гамбурге! И сложно сказать, для кого из них эта встреча стала большей неожиданностью, ведь все в центре «Седьмая Атлантида» были уверены в гибели этой паранормальной немки. Венера первой приходит в себя и, преодолевая страх, совершает пару шагов навстречу экстрасенсу. Своим единственным спасением девушка считает применение гипноза. Однако ее противница тоже справляется с оцепенением и, отступая, истерично кричит:

– Стоять! Не смотри на меня!

Женщина, не спуская с Венеры глаз, снимает с плеча сумку и так же, не глядя, принимается что-то нервно в ней искать.

Девушка делает еще несколько шагов вперед.

– Стой! Уйди! Не смотри! – кричит снова женщина, достав, наконец, то, что искала – маленький травматический пистолет.

Лерснер останавливается, увидев направленное на нее оружие. Говорить что-то нет смысла, девушка мысленно зовет на помощь Сашу. Она считает, что если женщина не выстрелила сразу, то, скорее всего, уже не выстрелит, поэтому быстро разрабатывает план, как разоружить противницу, но... Как-то неожиданно появляется мужчина, которого до этого отвлекал Паршин.

– Это она! Она! Это Вера Лерснер! – кричит женщина, повернувшись корпусом к своему товарищу, при этом эмоционально указывая на Венеру пистолетом.

Дальнейшее закономерно – женщина сама не замечает, как нажимает на курок. Звучит громкий хлопок, пистолет в ее руке вздрагивает. Повернувшись, она, к своему ужасу, обнаруживает, что девушка лежит на земле. Откуда ни возьмись, подбегают люди, кто-то уже вызывает полицию или скорую, а женщина отбрасывает от себя оружие и, зарывав, опускается на землю. Убить или ранить кого-то явно не входило в ее планы.

– Света, что же вы сделали, – тихо сокрушается мужчина, подойдя к ней.

Как раз в это время откуда-то из-за угла выскакивает Саша. Он не ожидал увидеть столпившихся людей, но, ускорив шаг, подходит к ним. Едва заметив, что его подруга лежит на земле, он догадывается о том, что произошло. Потеряв над собой контроль, он бросается к Светлане Долгих, замахиваясь кулаком, но несколько человек из толпы успевают его схватить.

– Тихо, тихо! Ты ей уже не поможешь, – басит ему на ухо кто-то из держащих его мужчин.

Запинаясь, Паршин просит пустить его к девушке, как друга и врача. Мужчины переглядываются между собой и отступают от него.

Встав на колени, Александр склоняется над подругой. Он все еще надеется, что она жива, несмотря на то, что пуля попала ей в висок. Он проверяет пульс, прикладывает ухо к ее груди, но заглянув в глаза, понимает, что все кончено. Чуда не произошло, Венера мертва. Уткнувшись в ее плечо, не стесняясь присутствующих, Паршин тихо плачет и шепотом проклинает себя.

Два незнакомца из толпы снова оттаскивают его в сторону...

Венера не почувствовала боли, когда произошла трагедия. Она ощутила сильный толчок в голову и, как ни странно, сразу поняла, что произошло.

– Предатель!.. – успела еле слышно прошептать Лерснер прежде, чем стала оседать на землю.

От головы по всему телу быстрой волной разлилось онемение.

«Вот и всё... – подумала она тогда, но тут же удивилась: – Я могу думать?! И я вижу! И слышу! Значит, сознание и чувства отключаются не сразу после смерти! Наверное, это вопрос первых секунд».

Венера предполагала, что сейчас все перед ее глазами начнет поглощать вечная тьма, звуки стихнут и сознание покинет ее навсегда. Однако ничего подобного не происходило: девушка лежала неподвижно, но прекрасно видела все, что происходит в зоне ее обзора, все слышала и осознала.

Голоса и причитания незнакомых людей угнетают ее. Хочется, чтобы все ушли, оставили ее в покое, или хотя бы замолчали. Мысли путаются, ищут спасения в отвлечении внимания от происходящего вокруг. Венера уже не следит за их ходом:

«Я снова умерла. Почему тебя не было со мной? Если бы ты был рядом, ты бы меня защитил. Ты был мне нужен, как никто и никогда! А теперь, прости, но меня больше не будет. Вряд ли ты хотел, чтобы я нашла тебя, иначе ты сказал бы мне свое имя. Меня все предали!»

От таких мыслей и обострившегося чувства потери кого-то близкого, Венере становится совсем невмоготу. Кроме печальных мыслей, у нее возникает странное дежа-вю, связанное с физическими ощущениями, как будто смерть от выстрела в голову с ней уже случалась. Но разбираться в своих чувствах уже слишком поздно.

Вот она слышит голос Паршина и от сильной обиды еще больше хочет заплакать. Когда она стояла перед Светланой Долгих, угрожавшей ей оружием, и мысленно звала Александра на помощь, а он все не приходил, в ее в душу закралось подозрение, что он специально подстроил эту встречу, что, на самом деле, он подчиняется этому центру, что все это время он только притворялся другом. Когда появился мужчина, которого Саша должен был отвлекать, Венера утвердилась в мысли, что ее друг – предатель.

Вот Александр склоняется над ней, проверяет пульс...

«Отойди от меня, гадина!», – мысленно ругается девушка.

Заглядывает в глаза, гладит рукой по ее щеке, обняв, плачет на ее плече. Или все это глупый спектакль для случайной публики?

«Предатель! Предатель! Оставь меня! – она так и хочет закричать и освободиться, но в очередной раз убеждается, что не может сделать ни того, ни другого. – Ну, ты и актер! Так изобразить горе!»

Но вот его оттаскивают. Венера мысленно благодарит этих людей, хотя и не видит их.

Спустя пару секунд девушка перестает слышать звуки и замечает, что образовавшаяся вокруг нее суета исчезла. Все как будто замирает.

«Вот оно. Начинается, – с грустью думает она. – Сейчас должен появиться тоннель, как в фильмах».

– Не спеши! – звучит среди тишины низкий голос. – Часто первые дни сознание еще связано с телом. Придет время, и ты увидишь все, что захочешь: тоннель, ангелов, чертей – зависит от фантазии.

Тут же перед глазами девушки проходит кто-то в черном и, постояв немного, присаживается перед ней. В подошедшем Лерснер сразу узнает мужчину из своего сна.

Он внимательно вглядывается в ее лицо и, наконец, говорит:

– Прекрасно!.. Скажи мне, радость моя, как это понимать?! Я кого просил избегать любого риска? А кто мне это обещал?

«Я даже ответить ему не могу!» – в отчаянии думает Венера.

– «Ему» ты можешь ответить, ибо «он» тебя слышит. Итак, я требую объяснений! – без злобы в голосе настаивает он.

«Я сама во всем виновата, в том, что доверяла этому Паршину, предателю, гадине! Было же предчувствие, что мне не надо никуда ехать. Я, получается, не сдержала своего слова и подвела всех вас», – мысленно отвечает она.

– Ты ошибаешься, Александр не предатель. Он не хотел тебя подставлять, он совершенно не подумал, насколько утопичен его план. А ведь вас обоих предупреждали, – говорит Черный ангел, рассматривая ее рану. – Татьяну потревожили, записки тебе писали, показывали, что ему нельзя слепо доверять, а ты? Зачем мы спасали того, кто сам ищет смерти?

«Значит, я не сходила с ума, а все это были ваши подсказки?» – интересуется девушка.

– Какая глупость! Неужели ты думаешь, что мы тебе позволили бы лишиться рассудка?!

Он выдерживает паузу, переводит взгляд с окровавленных волос девушки на ее почерневшие от расширившихся зрачков глаза.

– К тебе серьезных претензий у меня нет, – продолжает он, – ты все-таки пыталась его остановить. А вот ему придется ответить за свою глупость и невниманье...

«Не наказывай его, пожалуйста! Он же всего лишь человек, а люди часто ошибаются! – мысленно умоляет Венера. – Он же и без этого несчастен!»

– Что я слышу?! – усмехаясь, восклицает он. – Ты его уже защищаешь? Ты же сама назвала его предателем, гадиной? Кстати, ты права, – перейдя на более серьезный, тон продолжает мужчина, – люди, действительно часто ошибаются, но ошибки некоторых слишком дорого обходятся. Не каждый человек может похвастаться такой поддержкой высших сил, какую вы получаете, совершенно не прилагая никаких усилий, поэтому с вас и спрос другой. Александр подставил не тебя, он подставил меня и всех тех, кто привел вас в этот мир. Ты считаешь, что это можно оставить безнаказанным?

«Не убивайте его!» – умоляет девушка.

– Забавные вы существа! Подумай сама, зачем мне его убивать? Ты считаешь, что смерть поможет осознать ему его ошибку, или мертвым он лучше исполнит свое предназначение, чем живым? – Он тихо смеется. – Люди боятся смерти, как неизвестности, поэтому честно скажи, может ли смерть быть наказанием? Ты чувствуешь себя наказанной? А, может быть, ты чувствуешь себя беспомощной, попавшей в затруднительное положение, которое, однако, не лишено надежд на будущее? Со смертью у тебя появился шанс вернуться в свою реальность раньше времени, и обрести долгожданную свободу. Итак, может ли смерть быть наказанием?

«Н-нет. Не может... наверное», – подумав, отвечает она.

– Справедливо только то наказание, цель которого – назидание! Поэтому за него не переживай, тем более ты сейчас гораздо несчастнее: во-первых, я не допущу, чтобы ты отправилась в свой мир; во-вторых, ты не можешь двигаться; в-третьих, похороны – очень скучная и грустная церемония. Ты со мной согласна?

«Пожалуй», – соглашается Венера.

– Я обычно бываю рад повидать моих подопечных, вроде тебя, но в этот раз, как, я надеюсь, ты понимаешь, я пришел не просто так полюбоваться твоей беспомощностью, и напугать мрачными перспективами, – прожигая девушку взглядом, строгим и серьезным тоном произносит он.

«Догадываюсь».

– У каждого из вас свое предназначение. У тебя оно сложное, поэтому подготовить к нему нового человека мы не успеем. Мне ничего не стоит оживить тебя сейчас... Но у тебя пуля в голове. Получила ты ее, действительно, по своей и его глупости, поэтому лечить тебя от этого я не буду.

«Я и не прошу», – немного обиженно думает Лерснер.

– Нигилизм – одно из наиболее ценных качеств в тебе! Тебе все равно, кто твой собеседник, даже если это бог. Попробуй-ка, найди кого-то, кто будет так свободно разговаривать со мной! – улыбаясь, говорит он. – Я дам тебе еще один шанс, но только один! Если упустишь его – пеняй на себя. Если упустишь его, я восприму это, как диверсию, самый настоящий умышленный вред, и тогда ты узнаешь меня совершенно с другой стороны. Тебе это не понравится, я обещаю. Запомни! И повторю снова: никакого риска в ближайшие год-полтора!

«Я поняла».

– Очень на это надеюсь! Чаще прислушивайся к себе и не забывай, что произошло, когда ты меня ослушалась. Наслаждайся пока жизнью, каждым днем и помни о том, как легко ее потерять. Договорились?

«Договорились».

Получив ответ, он прикрывает ее глаза своей рукой, касаясь ресниц, но, не закрывая век...

Глава 11

Яркий свет вспыхивает, больно ударив по глазам. В ту же секунду Венера быстро и очень глубоко вдыхает до боли в груди. Когда ее глаза, ослепленные вспышкой, снова начинают видеть, девушка обнаруживает, что находится в Сашиной квартире – сидит на кровати напротив окна.

– На кухне нет! – кричит Паршин, внезапно вбегая в комнату.

Венера, тем временем, ощупывает свою голову, проверяя цела ли она. Затем, рассмотрев руки, сильно надавливает ногтем большого пальца на подушечки остальных, проверяя чувствительность.

– Живая. Живая. Живая, – исступленно шепчет она.

– Где?! Надо вспомнить, куда же... куда же... под диваном смотрел... Под кровать закатился? – Саша поворачивается и, увидев Венеру, так и застывает на месте. – Что с тобой?! – удивленно и встревожено спрашивает он.

– Он оживил меня! – безумно кричит та, вскочив с кровати. – Я снова живая! Представляешь?!

– Что ты несешь? – немного испуганно произносит доктор.

– Ну, ты же видел, как меня застрелили в Москве!

– Вера, стоп! Мы еще не поехали в Москву. Если паспорт не найдем, то и не поедem, в нем же билеты. Что с тобой?

– Как?! Ты же все видел, меня убили!.. – снова кричит Венера. – Или... – продолжает она еле слышным сопрано и воровато оглядывается по сторонам, – или он просто вернул меня в утро? Да! Конечно! – она даже подпрыгивает от радости. – Он вернул меня в утро! Ты с утра как раз искал свой паспорт. Мы с тобой еще не поехали в Москву!

– Вера, если это розыгрыш...

– Да какой еще розыгрыш?! Говорю же, если мы поедem в Москву, Светлана Долгих меня застрелит!

– Вот, черт! – не спуская с Венеры глаз, Александр медленно опускается на диван и достает из кармана мобильный телефон.

– Нам нельзя ехать в Москву, понимаешь?! – возбужденно кричит Лерснер.

– Верочка, успокойся, мы уже не поедem в Москву.

Не упуская Венеру из виду, Саша снимает блокировку с экрана. Почти не глядя, он находит нужный номер, но, все же, медлит нажимать кнопку вызова.

– Господи, что я делаю?! – шепотом сокрушается он. – Прости, птенчик, – произносит он, совершает звонок по найденному номеру.

– Кому ты звонишь? – спрашивает Венера.

– А как ты думаешь? – В этот момент Саше отвечают, и он переключается на другой разговор: – Здравствуйте! Предположительно обострение шизофрении с параноидным бредом... Я врач... Паршин Александр Владимирович... Да, мы с вами знакомы!.. Двадцать восемь... Женский...

– Саша, не надо! Я в порядке! Я не сошла с ума! – подскочив к нему, говорит девушка.

– Не, не буйная...

– А знаешь, вызывай кого хочешь: «скорую», полицию, пожарных, – тихо говорит она, садясь с ним рядом. – У меня нет никакой шизофрении, неужели ты не чувствуешь того, что нам сейчас нельзя ехать в Москву?

– Извините, я перезвоню! – Александр сбрасывает вызов и переводит взгляд на Венеру. – Я не смог, – произносит он. – Я обещал Марине Генриховне, что не отправлю тебя в больницу... да и себе не прощу, если сделаю это.

– Послушай меня! Я сейчас говорю очень серьезно. Просто выслушай!

– Слушаю.

– Помнишь, я говорила, что мне запретили рисковать? А разве эта поездка не риск? Саша, мы же ничего не потеряем, если не поедем! Он дал мне шанс все исправить. Я даже думать боюсь, кто он такой на самом деле, но он может такое, что лучше с ним не спорить. Поверь мне.

– Так ты о нашем Учителе говорила? – произносит Паршин, который только теперь начинает немного понимать ее.

– О нем самом.

– Тебе не кажется, что мы больше рискуем, бездействуя? – снова спрашивает он. – Постарайся успокоиться.

– Да как ты не поймешь?! – вскочив с дивана, кричит Лерснер. – Меня убьют в Москве! Как мне тебе доказать?!

Ее взгляд случайно падает на полку над столом, на которой лежит колода Таро.

– Вот! Карты! – восклицает она, схватив колоду, и протягивает ее другу.

– Да, это карты, и что?

– Погадай, ты же умеешь! Что ждет нас в поездке? Ты же можешь! – умоляет Венера.

– Ладно, – соглашается Александр, чтобы не спорить с девушкой, которая, по его мнению, все же не в себе.

Он нехотя берет из ее рук колоду, убирает часть карт, отделенных от остальных полоской бумаги, лениво тасует оставшиеся и раскладывает на диване, группами по три, пятнадцать карт. Потом возмущается:

– Верка, кто тебе разрешал их брать? Ты мне все перепутала!

– Я их только сейчас взяла, до этого даже не трогала. Клянусь, чем хочешь!

– Странно...

– Что, странно?

– Я всегда отделяю Старшие Арканы от Младших, – Саша указывает на отложенную часть колоды, – а Башня почему-то оказалась среди Младших...

– У кого из нас шиза?! – зло усмехается девушка, не поняв ничего из его слов.

– Ни у кого, я надеюсь. Колода Таро состоит из двух частей: Старших и Младших Арканов, – объясняет он ей. – Младшие Арканы имеют четыре масти: Мечи, Денарии, Кубки и Жезлы – похожи на игральные карты. Я их использую для более-менее конкретного определения событий. Вот они! – он кивает на разложенные на диване карты. – А Старшие Арканы несут более глубокий смысл, поэтому я их убираю. Хотя если случайно карта из другой части колоды попадает в расклад, это принято расценивать как знак и расшифровывать значения вместе с ней.

– Ну?! – раздраженно кричит Венера. – Ну? Что эта Башня значит?! А эти? – она указывает на две черные карты по обе стороны от той самой карты Башни. – Не надо знать их значения, чтобы понять, что это плохие карты!

Тройка карт действительно настораживает: на первой, под черным небом на земле изображен человек, лежащий лицом вниз, в его спину вонзается множество мечей; второй лежит карта Башни, на черном фоне которой выделяется, собственно, башня, с вершины которой головой вниз летят король и королева, а небо пересекают молнии; третья тоже имеет черный фон, на ней изображена сидящая на кровати женщина, закрывшая лицо руками, а рядом с ней, словно в воздухе, парят мечи.

– Получается, что ты права, – говорит Саша, – эти карты показывают большую беду. Еще раз для верности!

Он перекладывает Башню к Старшим Арканам, собирает остальные, тасует, кладет на диван первую карту и замирает... Перед ним ложится карта Башни, которую он сам только

что убирал. Паршин непонимающе переводит взгляд с Венеры на карту, и с карты на Венеру. Он бегло просматривает часть колоды, которую держит в руках, потом снова перекладывает эту карту к Старшим Арканам, но на этот раз поручает подруге держать их в руках.

Перетасовав карты Александр, выкладывает одну и, даже, подскакивает от неожиданности, увидев перед собой карту Дьявола (номер – XV, Старшие Арканы), второй выпадает пятерка Мечей (Младшие Арканы), а третьей... снова Башня!

Раскладывать дальше Саша не видит смысла, опустив руки, он полным непонимания взглядом смотрит на подругу.

– Теперь-то ты мне веришь?! – произносит она.

Паршин лишь кивает головой.

– А что значат эти карты? – спрашивает девушка.

– Что я, идиот, по своей собственной дури, – Александр указывает пальцем на карту Дьявола, – собираюсь вязать нас в очень сомнительную историю, – переставляет палец на пятерку Мечей, – за что мы и поплатимся, – указывает на «Башню». – Это дословно. Значит, это все правда, о чем ты говорила. Так, что там должно случиться?

– Ты нашел паспорт под клавиатурой, и мы поехали...

Стоило Венере это сказать, как он бросается к столу и, обнаруживает свой паспорт там, где она сказала.

Лерснер в деталях описывает дорогу, московские улицы, произошедшие события, свои посмертные ощущения и, конечно, диалог с Черным ангелом. Александра удивляют рассказы подруги о ее состоянии после смерти. Он уже рад, что она смогла удержать его от поездки. Его собственный план действий теперь кажется ему инфантильной и глупой попыткой подчинить себе мир. Только слушая Венеру, он осознает, что деятельность «Седьмой Атлантиды» ни ему, ни ей ничем не угрожает, если они сами не будут искать себе проблем.

Весь оставшийся день друзья не выходят из дома. У Лерснер, когда она, бросив ретроспективный взгляд на недавние события, прочувствовала и здраво оценила произошедшее, начинается настоящая истерика: она и плачет, и смеется, и что-то бормочет. Саше с трудом удается успокоить ее. Незаметно в квартиру проникают сумерки и начинают быстро сгущаться, превращая субботний вечер в ночь. Друзья ложатся спать рано и оба быстро засыпают.

Среди ночи Венера просыпается от собственного крика – ей приснилось, что она все еще мертва. Не сдерживая слез, девушка садится, склонив голову к поджатым коленям. Со стороны это напоминает живую иллюстрацию к карте, которая сегодня выпала в раскладе Александра, девятке Мечей, изображавшую женщину, закрывшую лицо руками. Ее ситуация переключается со значением этой карты – она избежала серьезной опасности, но пережитый испуг все еще терзает душу.

Рядом неожиданно падает подушка, Венера сразу перестает плакать и поднимает глаза, посмотрев на диван. Саша, разбуженный ее криком, с деловым видом подходит, залезает на кровать, прихватив брошенную подушку, переползает ближе к стене и ложится, потянув к себе край одеяла.

– Это еще что?! – возмущается Лерснер.

– Поговорить хочу, – кратко объясняет он.

– А тебя ничего не смущает?

– Нет. А должно?

– Как бы, да...

– Категорически не согласен! – он резко дергает ее за плечо так, что Венера падает рядом с ним. – Извини, привычка, – сухо объясняет он, поймав ее злобный взгляд.

– Мне уже страшно с тобой находиться. Странные у тебя привычки.

– Зато я не курю и практически не пью, – хвастается он.

– Слышал такую песню – «Лучше бы пил и курил»? Вот это как раз твой случай!

– А на Украине, еще говорят, что если мужик не пьет и не курит – он или хворый, или подлючий, – улыбается Саша.

– Или и то, и другое, что как раз про тебя!

Он ложится на бок, крепко хватая ее за дальнее от себя плечо и резко дергает, поворачивая, таким образом, ее лицом к себе.

– Ты что делаешь, хворый на всю голову?! – злится она.

– Извини, не обижайся! – смягчив тон, говорит он и, чтобы заслужить прощение массирует ее плечо. – Мне надо с тобой поговорить.

– Ладно, что случилось такого, что не подождет до утра?

– Да много чего... Вер, отвлекись от всего. Ты жива, я о тебе забочусь, Учитель тебе помогает... Знаешь, как Бондари Учителя называют? – Лерснер отрицательно качает головой. – «Черный человек», как у Есенина.

– «Черный ангел», – слабо произносит Венера.

– Он не ангел, и не похож на ангела. А ты когда-нибудь видела во сне женщину очень похожую на него?

– Нет, ни разу, – подумав, отвечает она.

– А мне сейчас очень странный сон приснился, – говорит он, немного придвинувшись к ней. – Сначала я видел все то, про что ты мне рассказала, но видел немного не так – не твоими, а своими глазами. Ты не говорила, что я бросился на ту женщину с кулаками, но меня два мужика из толпы удержали, такое было?

– Я слышала, что происходила какая-то суматоха с твоим участием. Я же не могла оглянуться, сам понимаешь, – тяжело вздыхает она, чувствуя нервную дрожь во всем теле.

– Значит, правда... Я видел, как ты лежала на асфальте... Тихо, тихо, девочка моя, Верочка, тебе надо все это вспомнить, чтобы пережить снова и отпустить, как все прошлое, иначе оно продолжит тебя мучить. – Он гладит ее руку, в то время как она пытается сдержать приступ рыдания. – Я все видел, как полиция и скорая подъехали. Потом я оказался в каком-то другом месте, но тоже, вроде, в городе, только людей вокруг не было. Ко мне подошла эта женщина, похожая чем-то на него...

– Тоже в черном? – перебивает его Лерснер.

– Нет, в зеленом платье, длинном. А спереди на платье нарисован или вышит черный дракон, вроде того, что у меня на спине...

– Мне он всегда нравился, – всхлипывает она.

– Да, татуха шикарная. Я его еще подкрасил – сейчас вообще красота!

– Покажи.

– Не хочу включать свет. Утром покажу.

Венера придвигается ближе, Александр машинально кладет руку под ее голову. Впервые за долгое время он ощущает, как приятный, дурмящий запах ее кожи кружит ему голову. Да, когда-то они были близки, но их любовная связь продлилась недолго. Хотя они почти всегда относились друг к другу как брат и сестра, таковыми они все же не являлись, и однажды их отношения стали достаточно много обещающими. Проблема оказалась даже не в разделявшем их расстоянии, а в их странном воздействии друг на друга. Они сошлись как два урагана. Несмотря на обоюдную привязанность, оба видели в партнере соперника, которого надо покорить, уничтожив волю, сделать заложником чувств, забрать все силы до последнего выдоха. Поняв свою натуру, они зареклись переступать черту дружеских отношений, по крайней мере, до тех пор, пока не научатся жить друг с другом в мире. Именно после неудачной попытки обрести любовь, они и стали называть друг друга в шутку инкубом и суккубом. И именно черту дружбы Саше больше всего хочется сейчас переступить, ведь Венера лежит совсем рядом – тот самый ураган под боком, который так манит себя покорить. Но Паршин не поддается этому импульсу. Это, конечно, лучший способ ее успокоить сейчас, но кто знает, как отреагирует

его подруга утром? Поэтому он остается верен своему первоначальному плану – отвлечь ее разговором. Тем более, этой ночью ему приснился сон, о котором хотелось поговорить.

– Хорошо, – вздыхает Венера.

– Ну, так вот. Та женщина заговорила со мной... Если в общих чертах, то она обвинила меня в том, что я не выполнил обещания и, не только не защитил тебя, но и, по сути, подставил. Сказала еще, что теперь я буду гораздо внимательнее к тебе. Если, конечно, такое возможно.

– Это всё? Ты увидел во сне женщину, и теперь боишься спать один?

– Ты кричала, а не я, вот я и пришел. Но мы не об этом! Ты не знаешь, кто та женщина? Ты же, вроде, разбираешься в мифологии?

– В зеленом платье с драконом? А еще что-нибудь? Ну, волосы какие, может быть, какие-нибудь символы?

– Черные, немного волнистые, длинные. А еще с ней несколько львов было.

– Не знаю, что за женщины тебе снятся. Вообще дракон и лев – это символы Иштар, Инанны, Астарты, Белили. Это имена богини любви и войны, которую почитали в междуречье... Шумер, там, Вавилон... Ее образ почти идентичен образу Фрейи – германо-скандинавской богини, а еще некоторые считают, что демон Астарот – ее мужская ипостась.

– Круто! Может, Учитель – это и есть Астарот? – предполагает Александр.

– Не все ли тебе равно?

– Попробуй заснуть снова, птенчик, – улыбается он. – Кошмар не придет, пока я рядом.

– Да, иначе с кошмарами будет явный перебор! – шутит она. Его рассказ напоминает ей о собственном сне, который теперь уже не кажется бессмысленным. Она уже знает, о чем ее предупреждали, и теперь неразрешенной остается только одна загадка. – А ты не знаешь, что такое «ниф»? – спрашивает она.

– Поросенок, – не задумываясь, отвечает Александр, улыбнувшись. – Ниф-ниф.

– Нет, – смеется она, – я серьезно! Мне приснилось, что я нашла записку, а в ней было написано, что меня спасет «ниф». Вот что это? – не отстает он него Лерснер.

– Думаю, аббревиатура. Может, не стоит некоторые сны воспринимать серьезно? – зевнув, отвечает он. – Мне, вот, как-то раз приснился сон-сказка. Снилось, как будто я король, который убил свою дочь, за что его потом самого казнили.

– Королевская полиция арестовала? – шутит Венера.

– Вроде того.

– Так не бывает.

– Я же говорю, что это сон-сказка. Я думал, тебе интересно будет. Спокойной ночи! – Он берет ее руку. – Закрой глаза! Вот так, – говорит он бархатным шепотом. – Сейчас ты уснешь, и увидишь во сне тот мир, куда так хочешь попасть, наш с тобой мир. Мы почти не помним его, но мы мечтаем о нем, и в наших мечтах мы совершенно свободны. Думай о море, о скалах, о туманах, о птицах на рассвете – и уснешь.

Александр, видя, как она затихла, и сам притворяется спящим. Он планирует немного подождать и вернуться на диван, но не замечает, как сам засыпает.

Глава 12

Паршин просыпается совершенно разбитым около шести, проспав не больше двух часов. Разбудила его сильная, жгучая боль в районе грудной клетки и желудка. Даже будучи врачом, он не может понять, что у него болит, однако, ловит себя на мысли, что боль словно выходит за физические пределы его тела, как будто болит даже ближайшее к коже пространство. Он осторожно слезает с кровати, стараясь не тревожить сон подруги, и выходит из зала, прихватив с дивана свои джинсы. Боль довольно быстро проходит, уступая место чувству жара во всем теле. Злясь на себя за это недомогание, Александр встает под холодную струю душа. Кожа ноет и покрывается мурашками, а сердце допускает несколько ощутимых перебоев. Саша натягивает джинсы на мокрое тело, и с футболкой в руках идет на кухню. Снова чувствуя жар, он бросает ее на пол.

Паршин наливает в кружку холодный чай, пытается хоть немного успокоиться. Женщина в зеленом платье во сне предупреждала его о каком-то наказании за невнимательность, но вот только что это было за наказание? Он настолько увлекается поиском ответов на все новые и новые вопросы, что теряет счет времени и не замечает, ни как жар начинает спадать, ни как в дверях появляется Венера.

– Что ты в такую рань вскочил? – расчесывая волосы, спрашивает она.

Вздрыгнув от неожиданности, он отвечает первое, что приходит на ум:

– Не спится.

– А что вещи раскидываешь? – девушка поднимает с пола футболку и протягивает ему.

– Положи куда-нибудь, – просит он.

Она относит футболку в зал и возвращается.

– А ты чего так рано встала? – натужено улыбнувшись, спрашивает ее Саша и включает чайник.

– Не знаю, тоже не спалось. Ты обещал показать татуировку, – напоминает она и потягивается.

Саша встает и поворачивается к девушке спиной. От его левого плеча к пояснице по диагонали спускается красивый восточный дракон, выполненный в японской технике. Рисунок черный, контурный, но чешуя дракона слегка подкрашена красным.

– Здорово! – восхищенно шепчет девушка. – Ты добавил красного?

– Да, и контур тоже кое-где обновили.

Венера проводит пальцами по гребню дракона. От ее прикосновения Паршина словно ударяет током, а по телу снова прокатывается волна жара и боли. Ощущения нельзя назвать приятными. Кажется, тысячи невидимых, тончайших игл пронзают сейчас его тело. С усилием сделав глубокий вдох, он возвращается на свое место и жестом просит Лерснер сесть.

– Ты в порядке? – спрашивает она.

Александр, постепенно приходя в себя, берет ее руку и, поглаживая тыльную сторону ладони, сквозь силу, отвечает, стараясь держаться естественно:

– А разве не видно? Все хорошо... Что будешь: чай или кофе?

– Ты замерз? У тебя руки дрожат.

– Нет, мне, наоборот, жарко. Так что?

– У тебя, кажется, был молотый кофе? Хочешь, я сварю?

Паршин говорит подруге, где находится банка, и она, найдя ее, занимается приготовлением напитка. Мало кто мог видеть у плиты эту женщину, поэтому Александр встает полюбоваться редким зрелищем.

– А ты хорошо смотришься у плиты, – язвительно говорит он. – Воистину, женщина и плита созданы друг для друга!

– Ой, как я сейчас какого-то умника кипяточком ошпарю! – отвечает она на его подколку. Саша смеется и обнимает девушку со спины, уткнувшись лицом в ее шею.

– Я тебе руки переломаяю! Прекрати меня лапать! – возмущенно кричит Венера.

Она еще никогда так резко не реагировала на объятия. Как ни странно, Паршина это только злит, но он отпускает ее и возвращается на свое место за столом.

– Что опять не так? – недовольно спрашивает он.

– Когда у тебя снова случится приступ любви и нежности, рассчитывай силу и следи за руками, чтобы они были подальше от моей груди!

– Ну, извини. Не заметил.

– Ага, не заметил! – Она поворачивается и ставит на стол две чашки кофе. – Самая тупая отмазка из всех возможных: я не настолько плоская, чтобы не заметить грудь!

– Я же извинился! Успокойся уже. У меня и так, наверное, самое отвратительное утро.

Лерснер на удивление быстро утихает и садится напротив, как ни в чем не бывало.

– Может, мне лучше вернуться к тетке, я же уже нормально себя чувствую? Я тебе, наверное, уже надоела, – спустя некоторое время произносит она.

– Не говори глупостей. Вера, я хочу, чтобы ты осталась. Пожалуйста, не обращай внимания на меня сегодня. Успокойся, мне и так очень плохо, – просит Паршин. – Со мной что-то не так, по-моему, я заболел. Тогда я нужен был тебе, а сейчас мне нужна ты, поэтому, я очень тебя прошу, останься.

Чтобы отвлечь внимание подруги от странностей своего поведения, он переводит разговор на совершенно другую тему и занимается завтраком. Хотя Венера неплохо готовит, Александр неохотно доверяет ей такую ответственную задачу, как приготовление пищи. Сейчас ему необходимо отвлечься, и для этого подойдет практически любое занятие. Странно, но вопрос, который Лерснер задавала примерно каждые три дня, сегодня выбил доктора из колеи. Его впервые пугает мысль, что она может уйти.

Сложно сказать, насторожило ли Венеру Сашино поведение в это воскресенье, или в ней проснулось желание сделать каждый момент жизни ярким, или это было простым совпадением, но, начиная с понедельника, она стала все чаще куда-то уходить: то занимается делами салона, то пропадает где-то со своей новой знакомой. Александру каждый раз становится не по себе от ее отлучек, но он ничего ей не говорит. С одной стороны, Паршин даже рад тому, что теперь может побыть один и разобраться в себе, но с другой – очень тоскует по своей подруге, которую, как считает, чем-то сильно обидел. Саша почти смиряется с мыслью, что девушка от него отдаляется. Он уже представляет, как однажды вернется домой и не увидит ее вещей, но это его почему-то больше всего пугает. Однако в пятницу после работы, Венера его очень тепло встречает на пороге, повиснув у него на шее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.